

Лия
Совушкина

(НЕ) ИСТИННАЯ
для Дракона
Куртизанка поневоле

18+

Лия Совушкина

**(Не)истинная для дракона.
Куртизанка поневоле**

«Автор»

2026

Совушкина Л.

(Не)истинная для дракона. Куртизанка поневоле /
Л. Совушкина — «Автор», 2026

Я была танцовщицей, а в новом мире стала куртизанкой. Бордельной девкой, чья судьба провести всю жизнь под чарами подчинения. Ещё ни одна «пташка» не выкупила свою свободу, и мне бы смириться... Но я не такая, как местные девушки. Встреча с драконом, попавшим в цветочный квартал, дала мне надежду на спасение. И кто я такая, чтобы не воспользоваться этим шансом? Главное, запомнить одно правило: «Чувства для попаданки — под запретом!». В книге есть: Холодный дракон, со страстной натурой Попаданка, готовая на всё ради свободы Притяжение, от которого невозможно избавиться. Второй том выйдет осенью 2026г.

© Совушкина Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Визуализация	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	36
Глава 11	41
Глава 12	46
Глава 13	48
Глава 14	51
Г	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лия Совушкина

(Не)истинная для дракона.

Куртизанка поневоле

Глава 1

— Танцуй, паршивка! — закричала какая-то женщина, а после крика последовала хлёсткая пощёчина.

Ничего не понимая, я упала на пол, ощущая, как щека горит огнём. Тело будто налилось свинцом, ноги гудели. Руки, на которые я опиралась, дрожали. В голове туман, в котором смутно мелькали какие-то обрывки воспоминаний. Я не могла ухватиться за них, перед глазами всё кружилось, отчего к горлу подкатывала тошнота.

«Что происходит? Где я, — панически билось в голове, прорываясь сквозь боль и туман. — Танец? Я танцевала... Соревнование! Чёртова люстра! Она упала на меня...»

Верно. Разум с трудом прояснялся, но воспоминания словно двоились, заставляя голову пухнуть от информации. Над головой продолжали выкрикивать ругательства, но их смысл ускользал от меня. Обхватив голову руками, я запустила пальцы в отчего-то распущенные волосы. Я ведь была на соревнованиях, так почему оказалась здесь? Хотя постойте, нет. На меня упала люстра, и меня должны были забрать в больницу.

Но сейчас я огляделась по сторонам мутным взглядом, меня окружала точно не больница. Вокруг столпились молодые девушки, разодетые в костюмы для восточных танцев. На их лицах застыли самые разнообразные эмоции, но чаще всего встречалось злорадство. Мой взгляд метался между ними, пока не остановился на орущей и покрасневшей от злости даме.

Похоже, именно она отвесила мне пощёчину. Её рука занеслась для повторного удара, однако не опускалась. Я же сидела на полу, в точно таком же костюме из полупрозрачного тюля, и не узнавала помещение. Разум отчаянно старался понять, что происходит, и как из театральной сцены я перенеслась в комнату из какого-то средневековья.

— Паршивка! Думаешь, если наглоталась яда, то сразу освободишься от долга и занятий? — шипела дама в приталенном платье, которое будто отняли у косплеера. — Я тебе покажу, где сэйхи зимуют! Живо поднялась и начала репетировать! До аукциона всего месяц, а ты неповоротлива как...

— Не понимаю, — пробормотала я, еле ворочая языком и мотая головой. — Какой ещё яд? Какой аукцион? Дамочка, что вообще происходит?..

— Ах ты, дрянь! Под дурочку косишь? — взревела белугой женщина, всё же ударяя меня и заставляя мою голову мотнуться в сторону.

Боль ослепила, вспыхнув с утроенной силой. Из уголка треснувшей губы потекла кровь, но мне не дали её вытереть. Чужая рука грубо схватила меня и рывком подняла на ноги, не давая вновь осесть на дощатый пол. Под всеобщее перешёптывание меня потащили куда-то в сторону, на ходу продолжая осыпать непонятными оскорблениями.

Скрипнула дверь, в нос ударил удушающий аромат множества приторных духов. Меня грубо тянули по сумрачному коридору, не давая даже осмотреться. Ноги заплетались, голова гудела, а кровь продолжала стекать по подбородку и капать на лазурный топик, едва прикрывающий грудь. На всём пути нам никто не повстречался, но я слышала, как за тонкими стенами раздаются характерные стоны и крики.

«Где это я? Неужели в борделе?» — панически пронеслась мысль, но додумать я не успела.

Мы остановились у вычурной двери, с золотой табличкой, на которой виднелись непонятные закорючки. Коротко постучав, дамочка с расшатанными нервами, ворвалась в кабинет. Там, в ореоле солнечного света, что струился из окна за спиной, сидела строгая женщина в очках и с высокой причёской. Она смерила нас недовольным взглядом и скривилась.

— Госпожа Эркель, в чём дело? — хмуро спросила женщина, складывая руки на тощей груди.

— Матушка Дейстра, ученица снова отказывается заниматься! — наябедничала моя «учительница», с силой сжимая моё плечо. — Эта Санрина совсем из ума выжила. Сначала попытка побега, потом яд, а теперь она попросту делает из себя дурочку без памяти!

— Но я, правда...

— Заткнись, — рыкнула матушка Дейстра, и моё горло будто сжала невидимая рука, почти лишая возможности дышать. — Видимо, ты забыла, где твоё место, Санрина. Ты больше не дворянка, и не тебе перебивать разговаривающих хозяев. Не заставляй меня вновь преподавать тебе урок, как было в первый день...

«Первый день?»

Визуализация

Дорогие читатели!

Приветствую вас в своей новинке

«(Не)истинная для дракона. Куртизанка поневоле»

Занимайте места поудобнее, вас ожидает откровенная история запутанной любви.

Не забудьте добавить книгу в библиотеку и поставить звездочку ;)

В борделях нет места любви, а уж тем более надежды на свободу. Однако кто сказал, что это невозможно?

В главных ролях этого фильма:

Санрина эр Лангос

(В прошлом Александра Белая)

Ангоррен эр Даркесс

Всем приятного чтения!

Глава 2

Боль в голове усилилась, а после перед глазами как наяву вспыхнуло воспоминание. Чужое воспоминание. Набирающая краски картина, наполненная незнакомыми чувствами и ощущениями. Пошатнувшись в реальности, покачала головой, стремясь выбросить из неё всё постороннее.

Не получалось.

В незнакомом прошлом меня приволокли в эту же комнату, только тёмную и устрашающую. Пробирающий до костей холод со страхом заставляли хрупкое тело деревенеть, притягивая к дощатому полу. В нос забивался приторный аромат духов, исходящий от стоящих по обе стороны меня женщин. Они держали прошлую хозяйку тела под руки, не давая рухнуть наземь. Ну или сбежать, но переполненная страхом девушка даже помыслить об этом не могла в той ситуации.

— Отныне «Алая заря» — твой дом, крошка, — воркующим тоном произнесла матушка Дейстра, захлопывая дверь за моей спиной. — Тебе предстоит долгий путь, если хочешь выкупить свою свободу.

— Свободу? Выкупить? — прохрипела настоящая Санрина.

Меня пронзила безысходность и ужас, отголосками доносящиеся до моей души. Девушка будто не верила в происходящее, поскольку его перспективы ужасали. Ко мне пробивались лишь крупницы того, что в прошлом перенесла Санрина, но даже этого мне хватало с лихвой, чтобы возненавидеть матушку и этот притон. С трудом, но я попыталась отделить себя от настоящей хозяйки тела, дабы не спятить от этого воспоминания.

— Верно, Санрина, — пропела матушка, мягко похлопывая «меня» по лицу. — Ты стала куртизанкой, за которую в будущем передерутся многие лорды.

— Нет... нет! Я Санрина эр-Лангос, — отчаянно выкрикнула Санрина, с трудом совладав с голосом. — Графиня, а не какая-то там потаскуха из цветочного квартала!

— Тц, вот же мерзавка, — утратив добродушное настроение, прошипела матушка Дейстра. Её пальцы больно сжали «мои» щёки, заставляя посмотреть прямо в бездушные глаза. — Новый граф эр-Лангос ныне занимается похоронами своих брата и невестки, а их утратившая рассудок дочь отправилась в дальний монастырь (название) для восстановления.

— Что? Дядюшка Мэтри?... — едва слышно выдохнула потрясённая Санрина, обмякнув в руках сторожащих её женщин. — Не может быть... Он ведь обещал помочь с титулом и похоронами... Не верю...

— Можешь не верить до самой смерти, — фыркнула матушка, резко отпуская лицо и доставая из потайного кармана небольшой кинжал. — А теперь пришло время завершающего штриха — нанесём метку подчинения. Мы ведь не хотим доставить проблем себе и гостям из-за твоего характера, верно?

Крепкие руки подобно капкану сжали плечи Санрины, заставляя стоять смирно. В это же время матушка Дейстра подошла вплотную, держа наготове кинжал. Едва не падая в обморок, «я» смотрела, как холодный металл приближается к обнажённой коже чуть ниже ключиц. Поняв, что одним лишь устрашением дело не обойдётся, девушка задёргалась в руках своих мучительниц.

— Нет! Нет! Не надо-о-о!

Не помогло. Ритуальный кинжал начал выписывать магические руны прямо на коже, отчего алая кровь залила всю грудь Санрины. Крича от боли, которая разрывала сердце, девушка безудержно плакала. Мучительницы даже не шелохнулись, а матушка Дейстра, закончив с нанесением заклятья, начала напевать слова-активатор.

Мир вокруг заискрился, от кровоточащей раны начало исходить лиловое свечение. Всего пара мгновений, и свет исчез, оставив после себя лишь боль. Удерживающие на месте руки внезапно исчезли, отчего обмякшая и дрожащая Санрина рухнула прямо на колени.

— Вот и всё, — довольно произнесла матушка, вытирая тонкую струйку крови, что стекла у неё из уголка рта. — А теперь проверим, как работает... «Не дыши!»

Приказ новой хозяйки хлётко ударил по сидящей на полу девушке, которая теперь действительно не могла сделать вдох. Выпучив заплаканные глаза, она хватала ртом воздух, но не могла его глотнуть. Тело начало гореть, лёгкие разрывало изнутри, но даже так она не могла побороть силу заклятья.

«Дыши!» — на грани сознания донёсся приказ матушки Дейстры, который с трудом слышала хрипящая и раздирающая горло Санрина. Тот первый глоток воздуха, что она смогла сделать, навсегда отпечатался в памяти девушки. А теперь и моей, ведь я заняла её место.

Меня привели в чувства шлепками по щекам. И так ноющее лицо вновь вспыхнуло болью, отрезвляя разум. Перед глазами всё расплывалось от слёз, а горло раздирало, ощущая на себе вновь сдавливающие невидимые руки. Когда я смогла-таки успокоиться и перестала судорожно хватать воздух, осознала, что в реальности прошло всего пара мгновений. Только вот я всё равно почему-то сидела на полу, отбив в очередной раз колени об доски пола.

Надо мной склонилась недовольная гримза Эркель, от вида которой мне захотелось скривиться от омерзения. Слишком уж противно выглядели сжатые в куриную попку губы, и так не блестящие полнотой, и прищуренные глаза-бусинки непонятного цвета. Страшная женщина, ещё и с отвратительным характером.

— Вот видите, она просто невыносима! — фыркнула эта гадина, порываясь схватить меня за волосы и дёрнуть.

Я увернулась, зло прищурив пекущие от недавних слёз глаза.

— Вы только посмотрите на эту... — распалялась учительница, да только местная маман её не слушала.

Подойдя ко мне, Дейстра сложила руки на плоской груди и прищурилась. Тонкие губы сжались в нить, почти исчезая. Я не шелохнулась, глядя снизу вверх на неё и ожидая дальнейших событий. Ладони сами собой сжались в кулаки, ногти впились кожу. В таком положении я ощущала себя слабой, да и тело всё ещё будто тянуло меня к земле. Все мышцы ныли, голова гудела, но упрямство было сильнее.

«Не собираюсь склонять голову, особенно перед этими су... женщинами, — зло подумала я, не отводя взгляд от невзрачных глаз маман. — Они из тех, кто любит командовать. Только вот я давно отвыкла унижаться, даже для собственной сохранности».

Пощёчина обожгла щеку. Голова мотнулась в сторону, и я слизала с разбитой губы выступившую кровь. Кожа на лице саднила, видно, одно из колец на руке маман оставило ссадину. С-скотина невзрачная. Я прикрыла глаза, досчитала до пяти, а после вновь посмотрела на женщину перед собой. Позади продолжала бухтеть бордельная учительница, но я не слушала её.

Всё моё внимание сконцентрировалось на довольно сухой, можно сказать, худой Дейстре. Строгое платье, которое не вязалось с моим представлением о борделях и их хозяйках, слишком облегалo плоскую фигуру. На её фоне любой показался бы упитанным, не будь у неё такого самодовольного выражения на лице, я бы даже посочувствовала.

«Недоходное это дело, видимо, секс продавать» — едко подумалось, прежде чем вторая пощёчина не отпечаталась на моей второй щеке.

— Ты осознала свою ошибку, Санрина? — снисходительно спросила Дейстра.

— ...

— Похоже, нет, — подытожила маман. — Ты ведь должна понимать, Санрина, тебе не изменить судьбу. Сами боги отправили тебя в мои заботливые руки, дабы ты послужила на благо королевству.

— Будучи подстилкой в захудалом борделе? — презрительно выплюнула я, с прищуром глядя на женщину. — Хороша судьба, ничего не скажешь.

— Захудалом борделе? Ха! — скрипуче выдавила Дейстра, недовольно кривясь. — Да мой дом удовольствий один из самых лучших во всём Драккреса. Твоя неумная гордыня ничего не стоит! Смирись, пока я не отдала тебя за копейки в притон мадам Жизель. Там не посмотрят на твоё прошлое, отдадут бродягам за пару медяков и посмотрим, что станет всего через неделю с твоим телом!

— Что за идиотизм, — пробормотала себе под нос, слегка скривившись от ноющей боли в разбитых губах. — Вас послушать, так пребывание здесь — счастливый лотерейный билет.

— Госпожа Эркель, заприте Санрину в подвале. На три дня. — Приказала маман, отступая на шаг и игнорируя мои слова. — Думаю, голод и изоляция помогут этой заблудшей овечке осознать своё положение, да и смирения прибавится. Не стоит забывать, что совсем скоро аукцион, и я питаю большие надежды на торги.

— Слушаюсь, матушка Дейстра, — хмуро ответила учительница, грубо дёргая меня за волосы и заставляя встать на ноги. — Вставай!

Они перебросились ещё парой непонятных слов, прежде чем меня выволокли в коридор. Дорогу в подвал я не запомнила, слишком разрывалась голова от боли. Ноги еле волочились по полу, путаясь и запинаясь об ровные доски. Шипящая ругательства Эркель не останавливаясь тащила меня, оставляя на запястьях борозды от ногтей.

Сил смотреть по сторонам у меня не было, я даже не могла сконцентрироваться на картинке перед носом. Всё плыло и кружилось, так что, когда звякнули петли тяжёлой двери и в нос ударил затхлый запах сырости, я лишь глубже вдохнула. Кашляя, сделала два шага вперёд и рухнула, не ощущая под ногами опору.

— А-а-а!

Глава 3

Полёт казался вечностью, но на самом деле я почти сразу приземлилась на каменистый пол. Колени и ладони на мгновение обдало жаром боли, что заструилась по телу, расходясь огненными волнами. Из горла вырвался судорожный стон, а на глазах выступили слёзы. Темнота вокруг казалась крошечной, из звуков слышалось лишь моё тяжёлое дыхание.

Жар сменился холодом, что тянулся по полу и кусал обнажённые участки кожи. Аромат противной сырости забивался в нос, и я чувствовала в нём примесь каких-то других запахов. Слабые отголоски испражнений, крысиного помёта и плесени едва не заставили меня вывернуться на изнанку. Тошнота подступила к горлу, и я старалась прогнать её, часто сглатывая вязкую слюну.

Неужели меня действительно забросили в подвал? Уму непостижимо!

Борясь с собственным телом, я на четвереньках добралась до стены и привалилась к ней спиной. Холод каменной стены обжёг кожу, которую не прикрывала тонкая ткань. Меня шатало, казалось, что из тела разом вырвали всю энергию. Стараясь успокоиться и выровнять дыхание, я начала медленно считать до ста. Обычно это помогало мне перед соревнованиями, особенно в начале карьеры.

Мысли путались, отказываясь выстраиваться в нечто относительно понятное. При попытке вспомнить хоть что-то перед попаданием в это отвратительное место, в мозг вбивали невидимый гвоздь. Сжав грязными руками голову, я упрямо прокручивала обрывочные воспоминания. То и дело появлялись картины чужой жизни, словно кто-то целенаправленно мне их вдалбливал и вытеснял мои собственные.

— Да пошли прочь, — прошипела я, изо всех сил зажмурившись и вдавливая ногти в кожу на висках. — Позже! Позже я посмотрю, как жила эта «настоящая» Санрина!

Возможно, местные боги были ближе к людям, чем наш Всевышний. После моих слов надоедливые картинки сменились, будто кто-то сменил пластинку. Я провалилась в омут воспоминаний, погружаясь в последние мгновенья перед своей... смертью?

Они всё ещё скрывались тенями, ускользая от меня и моего интереса. Тщетно вылавливая кусочки, я будто складывала мозаику. И её сюжет мне совсем не нравился, чем больше кусочков находили своё место, тем сильнее у меня болело внутри. Сердце то и дело кололо острыми шипами, но сдаваться я не собиралась. Сцепив зубы, целенаправленно выстраивала цепочку событий, из-за которых я очутилась в чужом теле.

Перед глазами мелькали знакомые лица. Места. Дорога в театр и подготовка к выступлению. Крики танцоров, ждущих своей очереди и мельтешащих в гримёрке, звучали смазанным эхом. Я должна была выступать в качестве главной танцовщицы в постановке, куда позвали нашу студию.

Помню, как нервничала, ведь после выступления мы с Гришей собирались в ресторан. Я знала, что он готовит предложение руки и сердца. Видела шкатулку с дорогим кольцом, бриллиант на котором напоминал цветом и размером вишню. Само собой, я делала вид, что не в курсе его планов, но в душе с нетерпением ждала вечера. Даже выступление отошло на второй план, поскольку замужество с известным тренером и спонсором множества конкурсов открывало многие двери.

Особенно перед бедной провинциалкой, у которой за душой были лишь талант и настырная, будто крейсер, мать.

Ох, что это я, не это ведь хотела вспомнить. Мысли вновь попытались ускользнуть, но я упрямо вернулась к «мозаике». Выступление. Выступление. Что же там произошло? Не могу вспомнить. Голова начала раскалываться всё сильнее, отвлекая от последней детали.

Крик.

Оглушающий, истошный крик. Мой. Я кричала, наплевав на зрителей и испуганного партнёра. Сердце бешено забилося в груди, набатом звуча вместе с воплем. В момент, когда я отчётливо увидела оставшийся осколок воспоминания, меня поглотила тьма. Как и тогда, когда огромная хрустальная люстра рухнула на меня, оторвавшись от металлической балки над головой.

Она придавила меня, обрушившись всем своим немалым весом. Лопнувший хрусталь исполосовал всё тело, впиваясь в нежную кожу, и я даже не знаю, что послужило причиной всему этому кошмару. Воспоминание оборвалось, символизируя конец. Короткой, глупой, и совершенно пресной жизни, где всем руководила не я.

Возможно, попав в тело Санрины, я обрела второй шанс? Пусть и здесь надо мной властвует «маман», но ведь есть сотни способов спастись и начать новую жизнь. Найти дело по душе, обрести свободу, которой я была так долго лишена. Если боги существуют, я надеюсь, они помогут мне. Если же нет... я не стану покорно склонять голову и жить в борделе.

Голод. Меня пожирал изнутри голод, равных которому я никогда прежде не знала. Сидя в крошечной тьме, что лишь один раз в день рассеивал свет из крохотного окошка, я утратила счёт времени. Мне не давали есть, только кувшин с водой просовывали в узкую дыру в стене. Его хватало ненадолго, хоть я и старалась экономить воду и пила по маленькому глотку.

Вспомнив момент гибели в родном мире, я на время отключилась. А придя в себя, не могла даже плакать. Осознание собственной смерти всё никак не желало приходить ко мне, и я отчаянно надеялась очнуться от этого дурного кошмара.

Только вот пробуждение не происходило. Боль, голод и жажда обострялись, не давая усомниться — этот мир реален. Моё новое тело плохо слушалось, видимо, из-за недавних проблем со здоровьем. Да и отсутствие пищи давало о себе знать, туманя рассудок. Истощённый организм едва находил в себе силы жить, и я почти всё время лежала, забившись в угол подвала. Сил искать выход попросту не было.

Пытаясь отвлечься от собственного бедственного положения, я пыталась воссоздать в голове прошлое Санрины. Смутные воспоминания неохотно всплывали в памяти, вырисовывая довольно мирную картину жизни несчастной девушки.

Любящая семья. Детство изнеженной дочки, которую все баловали. Санрина росла в окружении достатка, любви и роскоши. Она не привыкла к лишениям, всегда получала желаемое и даже не задумывалась о будущем. Девушка знала, что придёт время и отец подберёт ей достойного мужа, такого же аристократа, как и её семья. А пока этого не случилось, Санрина просто наслаждалась всеобщей любовью.

Тем больше для неё стала смерть родителей, а после и продажа в этот бордель. Мне не удалось выяснить, кто именно засунул Санрину в «Алую зарю», и я могла только догадываться, что всему виной родной дядя.

Красивая внешность сыграла против моей предшественницы по телу. Зависть других учениц борделя, издёвки и суровые уроки вынудили девушку выпить яд. Однако смерть не стала избавлением от мук, ведь снадобье сначала вызвало ужасную боль, чьи отголоски до сих пор бродили по моему телу. Умерла Санрина прямо перед моим появлением в её теле, не выдержав занятий Эркель и вреда от выпитого зелья.

Ну а теперь в её теле очутилась я — Александра Белая. Остаётся надеяться, что душа Санрины получила достойное перерождение и судьбу. Мы были разными, слишком разными, но теперь всё не имело значения. Я не собиралась сдаваться, как-то сделала предшественница. Если у неё не хватило духу вырваться отсюда, ещё не значит, что я такая же.

Мысли о побеге не покидали мою голову. Я как умалишённая цеплялась за них, не давая себе впасть в истерику и апатию. А изредка появляющиеся идеи поджечь бордель так и вовсе заканчивались истерическим смехом, переходящим в кашель.

— Я выберусь, — тихо говорила, царапая ногтем стену. — И пусть только попробуют меня вновь запереть.

Освобождение пришло внезапно, больно ударяя светом по привыкшим к темноте глазам. Госпожа Эркель пришла за мной, держа в руках увесистый фонарь. Пламя осветило комнатушку, заставляя меня зашипеть от боли, и зажмурится. Молча меня выволокли из подвала, и под всеобщие шепотки повели в неизвестном направлении.

Бредя за Эркель, я ощущала злорадство остальных обитательниц борделя. Все встречные девушки ехидно ухмылялись, будто наслаждаясь моим потрёпанным видом. Скрипя зубами, я старалась держать спину ровной и не давать ногам заплетаться. Гиены недобитые, посмотрела бы я на них, окажись они в подвале без еды. Злость помогала мне, подпитывая вместо пищи. Жаль только её запас не безграничен.

Эркель привела меня в купальню, натопленную комнату с несколькими деревянными лоханями. Увидев чистую воду, в подобии ванны, я не смогла сдержать вздоха. Всё моё тело чесалось, а слой грязи, наверное, стал толщиной с полпальца. Переминаясь на пороге, я всё же не рисковала бежать мыться. Поглядывая в сторону ушедшей к шкафчикам учительнице, старалась не выдавать восторга.

— Помойся, — приказала Эркель, с силой впихивая в мои руки несколько странных непрозрачных скляночек. — От тебя несёт как от помойной крысы. Надеюсь, ты стала умнее и не будешь больше доставлять проблем.

— Да, госпожа Эркель, — тихо ответила я, стараясь придать голосу покорности.

Пока не стоит показывать характер. Лучше усыпить бдительность, а после убежать с минимальными потерями. Судя по довольному виду учительницы, она оценила мой ответ. Хмыкнув, женщина указала на стопку чистой одежды, что лежала на одной из лавок вдоль стены. У лоханей стояли табуретки, видимо, чтобы поставить туда мыльно-рыльное.

— Потом переоденешься, и тебя отведут в комнату, — продолжала приказывать женщина. — Ужин уже прошёл, но тебе оставили миску похлёбки и кусок хлеба. Завтра возвращаешься к занятиям, и не вздумай опоздать.

— Слушаюсь, госпожа Эркель, — покорно сказала я и склонила голову. — Благодарю.

— Иди уже, — фыркнула женщина и ушла, оставив меня в одиночестве.

Не мешкая, я сбросила с себя провонявшие подвалом тряпки и рванула к ближайшей лохани. Горячая, почти обжигающая вода приняла меня в свои объятия, согревая продрогшее тело. Стон, преисполненный блаженства, сорвался с моих губ, прежде чем я с головой нырнула в воду. Все мысли улетучились, оставив только одну: «Наконец-то я помоюсь!».

Глава 4

Птица обломинго прилетела именно тогда, когда я отмывала последний кусочек грязи с руки. Насладившись остывающей водой, я явно утратила счёт времени. А вот другая ученица, которой поручили провести меня в комнату, такой забывчивостью не страдала.

Под звук распаивающейся двери, сопровождаемый скрипом петель и моим вскриком, рыжая фурия влетела в купальню. Вздрогнув, я инстинктивно прикрыла обнажённую грудь руками, расплёскивая пену по дощатому полу.

— Ах ты кошка драная! — раздражённо выпалила незнакомка, окидывая меня гневным взглядом. — Я, значит жду как дура, а она тут пятки намывает!

— Не пятки, а руку, — фыркнула я, успокоившись и успокоив колотящееся сердце. — Я почти закончила, так что не переживай.

— Не переживай? Не переживай? — мои слова засели в голове рыжей куртизанки, и она покраснела в тон волос. — Мало тебе было урока от маман? Решила ещё и «сестринские» вспомнить? Или голодовка тебя остатков ума лишила?!

Не дожидаясь моего ответа, девка подскочила ко мне и схватила за волосы. Не успела я сообразить и хоть как-то защититься, как меня одним резким движением затолкнули в воду. Хлебнув воды, я изо всех сил вцепилась ногтями в чужие пальцы. Барахтаясь, борясь с желанием вдохнуть хоть глоток воздуха, я отчаянно рвалась вынырнуть.

Мучительно долгие секунды напомнили мне тот единственный случай, когда я едва не утонула. После того я ещё долгие годы не могла себя заставить войти в воду дальше, чем по колено. И вот теперь страх захлебнуться с остервенением вцепился в душу, пытаюсь сломить сопротивление.

Сделав последний рывок, вкладывая все оставшиеся силы, я вскочила. Отшатнувшаяся девка сделала неловкий шаг, поскользнулась на расплескавшейся воде и рухнула на пол. Меня раздражало от злости, и я с ненавистью уставилась на эту рыжую гадину.

— Довольна? — откашливаясь, прохрипела я.

В этот миг все мысли вылетели из моей головы, оставив лишь желание отомстить. Не обращая внимания на наготу, я вылезла из ванной и грубо схватила ворот платья куртизанки. Она попыталась отодрать мою руку, но я держала мёртвой хваткой. Второй рукой нашарила ковш, из которого поливала голову, и не глядя набрала воды.

Рыжая попыталась что-то пискнуть, отползти, но я всё равно окатила её водой. Мыльной, мутной от смытой грязи, и холодной. И ковшом припечатала по голове, не сильно, просто чтобы отвести душу.

— Гадина! — взвизгнула рыжая девка, вытирая лицо и пытаясь испепелить меня взглядом. — Ты!.. Ты!..

— Что я? — зло выплюнула и отошла от сидящей на заднице девушки, мокрой как курица и старающейся не кривиться от отвращения. — Ещё раз тронешь — простым умыванием не отделаешься. Поняла меня?

— Да кем ты себя возомнила, шавка подзаборная? — рыкнула рыжая, вставая на ноги. — В этом месте все равны, даже такие «чистюли» как ты!

— Моё дело предупредить.

Посчитав тему закрытой, я быстро обтёрлась полотенцем и надела принесённое платье. Горло и нос всё ещё саднило от недавнего погружения, а парочка ногтей обломалась. Видимо, — печально подумала я, рассматривая остатки маникюра, слишком сильно царапала эту дуру.

Новое платье оказалось довольно приличным, и я даже немного удивилась. Впрочем, такое же красовалось на рыжей, так что, скорее всего, это нечто вроде униформы. За спиной

всё ещё слышались сдавленные ругательства, но ко мне больше не лезли и не пытались «воспитывать».

«Надеюсь, — украдкой вздохнула я, — она передаст это другим, и меня не станут цеплять».

— Пойдём уже, — раздражено произнесла рыжая, подходя к двери. — И так много времени потеряли...

— Тебя как звать? — небрежно спросила я, выходя в коридор и оглядываясь вокруг.

Пусто. Вот и славно, что никто не застал нашу потасовку. По прошествии короткого времени я была готова признать — меня чересчур сильно поглотили эмоции. Нужно было решить всё более мирно, дабы не разжигать ещё больше конфликт. Я ведь изначально решила не привлекать к себе внимания, но эта гадина... вывела меня из себя.

— Чего? Ты душой прикидываешься? — фыркнула сопровождающая, косясь в мою сторону. Увидев серьёзный взгляд и слабый моток головой, она демонстративно вздохнула: — Точно умом повредила, малахольная... Ветрена я. Мы живём в одной комнате уже неделю, а ты так и не выучила?

— Оу, — выдавила из себя, борясь с желанием почесать затылок. — А я Санрина.

— Знаю, — рыкнула Ветрена, всё ещё одаривая меня презрительным взглядом. — Бесишь. Как же ты меня бесишь, малахольная...

Комната, куда меня привела Ветрена, оказалась небольшой. Чем-то напоминающей общажную, где помещались только две узкие кровати, шкаф и пара тумбочек. Больше в помещении ничего не было, даже окна. С тоской осмотрев своё новое жилище, я не удержала вздох.

— И чего я ожидала, — пробормотала себе под нос, глядя на скучную обстановку.

— Эй, ты чего там бормочешь? — прикрикнула Ветрена, подходя к аккуратно застеленной постели. — Ты помни, я проклятья только так чую и снимаю легко.

— Да кому нужно тебя проклинать, — фыркнула я, подходя ко второй кровати.

Матрас, тонкий и жёсткий, жалобно скрипнул под моим весом. Не успела я увидеть свой долгожданный ужин, как нос первым учуял невероятный аромат, исходящий от тумбочки. Живот протяжно заурчал, сводясь от голода.

— А, точно, госпожа Эркель приказала тебе оставить порцию, — хмуро произнесла Ветрена и подвинулась, давая мне увидеть заветную тарелку.

Наверное, никогда прежде еда не казалась такой вкусной, как в этот вечер. Отбросив манеры, я с жадностью накинулась на похлёбку, зачерпывая холодную вязкую жижу ложкой. Несмотря на непривлекательный вид, рагу имело привкус мяса и много картошки. Глотала почти не жуя, и мне даже было плевать на презрительное фырканье рыжей соседки.

— Вот что с людьми подвал делает, — присвистнула девушка, плюхаясь на свою кровать. — Я еле проталкиваю в себя эту гадость, а ты вон как лопаешь... И не скажешь, что дворянка подзаборная.

— Заткнись и не порть аппетит, — почти блаженно протянула я, доедая похлёбку и заедая её чёрствым хлебом.

Насытившись, я с грустью посмотрела на дно тарелки и отложила ложку. Теперь мне стало полностью фиолетово и на соседку, и на весь мир в целом. До поры до времени я смогу продержаться здесь, строя из себя паиньку, а вот после надо найти способ сбежать.

— Ты где храбрости набралась, или просто с ума сошла? — раздражённо бурчала Ветрена, косясь на меня со своей кровати.

В её взгляде виднелось смесь любопытства и непонимания, но в открытый конфликт девушка больше не лезла. Неужто я смогла запугать местную деваху? Что же, главное, чтобы она больше не доставляла мне проблем. Я машинально провела подушечкой большого пальца по сломанным ногтям.

«Эх, обидно, неплохие ноги» — вздохнула, ложась на постель и вытягивая ноги.

— Эй, я вопрос задала! — нетерпеливо произнесла соседка.

— Разве мне нужно на него отвечать? — зевая, уточнила я. — Мне казалось, что мы все решили.

— Ты, видно, действительно сумасшедшая, — покачала головой Ветрена, обнимая свою подушку. — Я-то ладно, стерплю твои выходки. А вот старшие... Не советую перед ними зубы показывать, сгрызут и не подавятся.

— Старшие? — сонно пробормотала, борясь со сном.

— Работающие куртизанки, — как дурочке пояснила Ветрена. — Ты же наша излюбленная груша для битья, разве забыла? Вся такая мягкая, нежная, чуть тронь — сразу в слёзы. Даже не верится, что выпитый яд и заточение в подвале может настолько сильно изменить человека...

Она что-то говорила и говорила, но я уже не могла бороться со сном. Пусть мне и хотелось послушать больше про «старших» и их нападки, но бороться с усталостью мне не по силам. Тьма навалилась на меня внезапно, увлекая в царство чужих воспоминаний.

Я бесцельно бродила среди множества картин, за которыми скрывались фрагменты воспоминаний Санрины. Некоторые я видела раньше, сидя в сыром и грязном подвале. Однако в основном всё казалось чуждым, далёким и совершенно неинтересным.

Мне и так было не по себе оттого, что я заняла чужое место. Украла тело, пусть и у умирающей девушки. А ещё до сих пор не покидало опустошение, чувство зря прожитой первой жизни. Ведь это у Санрины родители делали все, что могли ради дочери. Моя же мать желала лишь одного — чтобы я воплотила несбывшуюся мечту стать известной танцовщицей.

Изначально целью матери был балет. Но моих задатков оказалось недостаточно, и она сменила направление. Меня заставляли тренировать день за днём, не забывая про основную учёбу. Ни единой свободной минуты. Вся моя жизнь была расписана от и до, вплоть до выбора парня. Именно мама нашла Гришу и сделала всё, чтобы известный тренер увлёкся мной. А я... просто радовалась чужому вниманию, «любви», которой отчаянно желала.

«Дура» — рыкнула на себя, поняв, что стою посреди множества чужих воспоминаний и плачу.

Не было никакой любви. Ни от мамы, которая заиклилась на своих мечтах. Ни от Гриши, который использовал меня и явно любил девушек «помоложе». Я тешила себя надеждами о браке, хоть и понимала, что, скорее всего, у него давно была любовница. Не зря ведь мужчина стал всё чаще задерживаться по вечерам и прятал от меня телефон.

«Просто мне хотелось до самого конца верить в иллюзию счастья» — сокрушительно осознала я, рухнув на колени и глядя на картину со счастливой семьёй Санрины.

Глава 5

Кто бы мог подумать, что утро в борделе начинается в шесть. Я не была готова к этому, особенно после кошмарной ночи. Сны на новом месте выдались не самыми приятными, да и воспоминания о прошлом не отпускали. Поэтому, когда меня разбудила недовольная Ветрена, открыть глаза получилось далеко не с первой попытки.

— Да что за наказание! Проснись, гадина, — воскликнула соседка, сильно ударя меня по голове подушкой.

«Чёрт! Больно!»

По ощущениям, подушка весила немало, сбитые перья давно никто не приводил в порядок, и теперь она напоминала кирпич. Даже моя, несмотря на долгие встряхивания перед сном, не слишком уж отличалась.

Хочешь не хочешь, а после такого у меня попросту не оставалось выбора. Недовольно шипя, я встала и зыркнула на активную рыжую бестию. Та уже и забыла обо мне, без конца поправляя своё платье. Зато я, наверное, напоминала киношного зомби. Сонная, лохматая, ещё и помятая от неудобной кровати.

— Встала? Молодец, — рыкнула Ветрена, подбирая подушку с моей постели. — Мадам Соления не любит опозданий, тем более от новеньких.

— Мадам Се-еления? — зевая, переспросила я.

Не до конца проснувшийся мозг отказывался обрабатывать новую информацию. Я, не переставая зевать, нашла своё платье, брошенное в угол кровати, и осоловевшим взглядом оценила степень его помятости. Ужасно. Но другого всё равно у меня не было, так что сойдёт и такое. Не думаю, что мне слишком влетит за «непрезентабельный» вид.

— Соления, тупица! — рявкнула соседка, оборачиваясь ко мне. Её брови взлетели почти до небес, стоило девушке заметить, во что я собралась одеваться. — Ты точно полоумная... Дай поглажу, а то влетит по первое число от наставниц.

Не успела я и слова сказать, как платье у меня отобрали. Довольно грубо, даже ткань затрещала. А после случилось невероятное, от чего у меня отпала челюсть, а сон рукой смахнуло. Платье засветилось. Прямо натурально, словно кто-то включил яркий свет изнутри. По комнате пронёсся тёплый, согревающий ветерок. И тут произошло самое удивительное: платье разгладилось.

«Невероятно, — восхищённо подумала я, разглядывая выглаженное платье в руках Ветрены. — Это что, магия? Самая настоящая магия? Да с таким и уюги не нужны. Оп и всё готово!».

— Держи, неумеха, — фыркнула соседка, буквально впихивая в мои руки платье. — А говорят знать вся магически одарённая... видать врут.

— Спасибо большое, — поблагодарила я, всё ещё пребывая под впечатлением.

Быстро надев платье, я аккуратно пригладила лёгкие складочки на юбке. Ткань грубо прошлась по коже, несмотря на лёгкую нательную сорочку. Пожалуй, может эта Ветрена и не такая змея, как я изначально подумала. Хотя это не отменяет её изначально нахального поведения и попытки притопить меня.

Не знаю, что взбрело в голову Ветрены, но при выходе из комнаты она подхватила меня под локоть. На недоумённый взгляд, который я бросила на девушку, та не отреагировала и просто потащила меня вперёд. Оставалось надеяться, что перед занятиями местных обитательниц кормят. Мой желудок с самого пробуждения урчал и сворачивался в голодный узел, «умоляя» начать нормально питаться.

Мольбы были услышаны. Первым делом Ветрена привела меня в столовую, небольшую комнату, где уже за столами сидели девушки. На нас устремились десятки взглядов, совсем не

доброжелательных. Пока мы сели, за самый дальний угол, я успела увернуться от нескольких подножек.

От вида моей улыбки так и слышался зубной скрежет, но меня это совершенно не волновало. Нос учуял ароматы, исходящие из кухоньки рядом, и я теперь всецело отдалась голоду. Стоило сесть, как парочка совсем молоденьких девочек начала разносить подносы с тарелками.

Перед нами поставили в самом конце, когда я уже отчаялась вообще хоть крошку съесть. Несмотря на мои самые худшие ожидания, спровоцированные стенаниями соседок по столу, кормили здесь довольно сносно. Сытно, относительно полноценное и даже правильно. Никаких там булочек, джемов и вредной для желудка пищи. Только сваренные вкрутую яйца под каким-то незнакомым соусом, много салата и кусок хлеба.

— А с каких пор дворняг за стол пускают? — донёсся до меня противный, надменный голос. — Ветрена, ты чего притащилась с этой... Блохастой? Наверняка она за три дня в подвале собрала целую кучу этих тварей.

Я вскинула голову, пытаюсь увидеть говорившую. На меня с вызовом смотрела эффектная блондинка, с подведёнными сурьмой голубыми глазами. Нас разделяло несколько столов, но это не помешало ей демонстративно прикрыть рукой нос и сморщиться.

— Не обращай внимания, хуже сделаешь, — предусмотрительно толкнула меня в бок Ветрена, косясь на заводилу. — Это Магма, старшая и самая востребованная девушка «Алой зари».

— Думаешь, отстанет? — едва слышно уточнила я, не отводя взгляда от кривляющейся Магмы. — Такие понимают только силу.

— Дура, — прошептала соседка по комнате, прикрывая глаза ладонью и отворачиваясь.

— Чего язык проглотила, шавка? — вновь прикрикнула блондинка, поддерживаемая подружками. — Или ты его съела с голодухи, чтоб не помереть в подвале?

— А с каких пор мне надо отвечать мусорным ведрам? — равнодушно ответила я, приподнимая брови от деланного удивления. — Я думала тут просто кто-то воздух испортил, испортив всем аппетит, а это оказывается ты рот открыла.

— Что?.. — потрясённо выдохнула Магма, глупо раскрывая рот и не в силах проронить ни слова.

Девушка покраснела, налившиеся кровью глаза метали молнии, а в столовой воцарилась тишина. Все глазели на нас, отложив ложки. А я же оценивающе взглянула на местную звезду, и разочаровано цыкнула языком. И такие здесь пользуются спросом? Да, беда у мужчин со вкусом, что в моём мире, что в магическом.

— Дружеский совет, когда клиентов обсуживаешь — рот не открывай, — протянула я, копируя жест самой блонди и закрывая нос двумя пальцами. — Воняет, как из помойки.

— Ах ты дрянь! — завопила Магма и вскочила со своего места, сжимая кулаки. — Совсем страх потеряла?! Так, я помогу его вернуть!

Не успела эта выдра крашенная бросится в мою сторону, как тишину нарушили тяжёлые шаги. Услышав их, Магма притихла, опуская плечи и бросая колкий взгляд в мою сторону. Я удивлённо посмотрела на вход в столовую и увидела причину мгновенного успокоения местной звезды.

«Маман пришла» — скрипнула зубами я, и стараясь придать себе самый равнодушный вид.

— Что здесь происходит? — ледяным тоном спросила женщина, обводя тяжёлым взглядом всю столовую.

Девушки вжали головы в плечи, начиная быстро работать ложками. Все вокруг почти давились, будто у них вот-вот отберут тарелки. Отвечать маман явно не собирались, и она важно прошла в центр зала.

— Вижу, вы все уже успели позавтракать, раз создаёте шум, — в том же тоне продолжила женщина. — Магма, твой постоянник уже здесь, ступай к лорду Деброш и сделай всё, как он пожелает. Ученицы, отложили ложки и шагом марш в комнату занятий. Завтрак окончен.

Несмотря на то что зачинщицей ссоры была Магма, все девушки выбрали меня виновником. На моей скромной персоне скрестились злые взгляды девушек, что не успели нормально поесть, но вслух ругаться никто не осмелился. Как послушные куклы, они разом отложили ложки и встали из-за столов. Столовую наполнил звук удаляющихся шагов, все старались как можно быстрее и незаметнее покинуть это место.

Ветрена, толкнув меня в бок, тоже встала. Она прошипела: «Я же говорила» и потащила меня на выход. Как итог, завтрак я пропустила. С тоской провожая взглядом полную тарелку еды, я всё же пошла в комнату для занятий.

— Санрина, ещё один проступок, и ты будешь наказана, — спокойно объявила мадам Дейстра, когда я проходила мимо.

Поёжившись, я коротко поклонилась и пулей вылетела из столовой. Мысли об очередном заключении в подвале вызвали волну мурашек по телу, уж чего-чего, а возвращаться в то ужасное место мне не хотелось.

Иди на занятие пришлось быстро, чтобы не стать жертвой голодных куртизанок. На меня и так откровенно глазели, так ещё и тычки в спину получать оказалось больно. Повезло, что комната для занятий находилась неподалёку от столовой. Всего в паре закрытых комнат, где висели различные таблички. Прочсть я их не смогла, хоть и попыталась мимоходом понять, куда меня занесло.

«Вот же... гадство, — резюмировала я, в очередной раз спотыкаясь взглядом о нечитаемую табличку на двери. — Вензеля и загогулилки какие-то, а не буквы. Неужели мне придётся учиться читать с 0? Какой кошмар!».

Сокрушаться всласть мне не дали, Ветрена грубо затолкнула меня в открытую комнату, и я сразу прищурилась. Солнечный свет больно ударил по привыкшим к сумраку глазам, и я пару раз моргнула, привыкая к нему. Яркое освещённая комната напоминала обычную аудиторию, где на стройных рядах столов стояли тарелки с... помидорами?

Наставница Соления уже сидела за преподавательским столом, читая какую-то книжку. Жгучая брюнетка, с чуть раскосыми тёмными глазами, словно пришла из другого мира. Пристенное платье с вышитыми цветами, украшенное оборками на ключицах и груди, напомнили мне изображения девятнадцатого века. При виде нас женщина встала со своего места и всплеснула руками, и произнесла:

— Пташки мои, вы сегодня довольно рано.

— Доброе утро, мадам Соления, — хором ответили девушки, занимая свои места за партами.

— Ну что же, тогда приступим к нашему уроку пораньше, — довольно пропела Соления, мило улыбаясь. — Все готовы познать сладость поцелуев? Вижу, что готовы, пташки мои.

Некоторое время мадам Соления вещала о том, что без умения целовать мы останемся просто красивыми куклами. Я с трудом удержалась от скептического хмыка, что рвался наружу. Куклами мы и были, разве что с возможностью поторговаться за цену. Но вслух, разумеется, я молчала. Я уже усвоила, что в этом мире любой намёк на иронию воспринимается как дерзость. Так что пришлось просто стоять, изображая благоговейный трепет, и смотреть на остальных учениц — они внимали каждому слову мадам с таким видом, будто та открывала им тайны Вселенной.

— Искусство поцелуя — основа основ, — с придыханием закончила Соления, щёлкая пальцем. В комнату вошло четверо мужчин, вставших у стеночки позади наставницы. — Начнём с помидоров, а закончим настоящей практикой. До вашего дебюта осталось совсем мало времени, нужно успеть всё выучить!

Мадам взяла помидор — крупный, гладкий, идеальный, как на натюрморте. Она поднесла его к губам, и я заворожённо смотрела, как женщина его целует. Это было красиво, не стану спорить. Плавно, чувственно, с лёгким причмокиванием, которое должно было означать страсть. Но внутри меня всё содрогалось от сдерживаемого хохота: «Она целует помидор, господи. Я думала, это только дети таким занимаются, пока не подрастут и не встретят первую любовь». Когда она повернулась к нам с отпечатком помады на помидоре, я едва сдержала фырканье.

— На плоде любви не должно остаться ни вмятин, ни следов зубов, — подытожила мадам Соления, демонстрируя нам красные бока помидора. — Теперь ваша очередь, приступаем, пташки.

Я с содроганием смотрела на тарелку перед собой, не веря в происходящее. Мне что, правда придётся целовать помидор? Мне? Да я прекрасно целуюсь и без этого, по крайней мере, никто ещё не жаловался! Но сказать ничего я не смогла, и дрожащими руками взяла в руки «плод любви», как обозвала его наставница.

— Ты тоже никогда не целовалась? — с неожиданной робостью пробормотала стоящая рядом со мной Ветрена. — Ничего, судя по демонстрации мадам Солении, это довольно просто.

— Просто, ага, — выдохнула я, прикрывая глаза и медленно поднося помидор к губам.

«Боже, дай мне сил не рассмеяться» — взмолилась я, когда губы предательски задрожали.

Глава 6

Коснулась кожицы губами. Холодная, упругая, но совершенно безжизненная. Перед глазами то и дело всплывали сцены из фильмов, заставляющие кривиться от абсурдности. Это «обучение» не могло сравниться с настоящими поцелуями, как ни посмотри. Я отстранилась и услышала голос мадам у себя за спиной:

— Ты целуешь его, как мёртвую рыбу. Представь, что это губы того, кто тебе дорог.

«Дорог, — мысленно повторила я. — Ага, щас. Мне теперь до безумия дорог ноутбук, но даже окажись он рядом, я бы не стала его целовать».

Однако вслух я ничего не сказала, маячившее над головой наказание не давало рту раскрыться. Я притворилась, что вдумываюсь в её слова, и снова прижалась губами к помидору. Вздохнув, на этот раз позволила себе чуть больше движения: скользнула губами, надавила, представив, что это не плод, а, допустим, щека навязчивого ухажёра. Я даже провела языком — чисто для галочки.

И когда я отстранилась, на помидоре остался влажный след. Подошедший к моему столу мужчина одобрительно кивнул, а я подумала: «Если бы он знал, что в моём мире девушки выкладывают в сети видео с поцелуями в губы без всяких помидоров, он бы, наверное, упал в обморок».

Я покосилась на Ветрену. Она целовала свой помидор с такой яростью, будто пыталась его съесть. Мадам Соления отобрала у неё плод, неодобрительно глядя на следы зубов.

— Ты, пташечка, целуешь это несчастный плод как голодная волчица. Где изящество? Где нежность? Мужчина должен чувствовать, что ты отдаёшь ему сладость, а не вырываешь её когтями. Перестань кусать и начни мягко ласкать.

У меня на лице всё же появилась улыбка, бедная соседка аж покраснела от стыда, почти сливаясь цветом со своим «любовником». Но потешаться мне не дали, как и вовремя среагировать. Наставница подошла ко мне, и я почувствовала её приторные духи. Она встала за спиной, положила руки на мои плечи, и я вздрогнула от неожиданности. Но виду не подавала, хоть и хотелось сбросить их с себя.

— Закрой глаза. Представь, что ты стоишь в саду, и ветер приносит тебе запах того, кого ты ждала вечность, — прошептала мне на ухо женщина, мягко надавливая пальцами на плечи.

Я послушно закрыла глаза, но в моём воображении не было никакого сада. Был мой Гриша, пришедший с работы, и которого я всегда стремилась встречать при параде. Представляя, что я всё ещё любящая девушка, которая встречает парня с работы, медленно провела языком по холодному боку помидора.

Сердце заныло от тоски, но я лишь на мгновение сильнее зажмурилась. Сосредоточившись на помидоре, постаралась отбросить болезненные воспоминания. Кисловатый привкус, кожа с лёгкой шершавостью.

«Если бы мои подруги меня сейчас видели, — внезапно подумалось, — они бы упали со смеху. Я, та самая, которая всегда высмеивала женские романы, сейчас целую овощ в компании будущих куртизанок».

Мне велели целовать и не отрываться, пока не почувствую ответ. Я сделала глубокий вдох, прижалась губами, сжала их, вобрала в себя тонкую кожицу. Поддавшись порыву, старалась имитировать страсть как могла — даже причмокнула пару раз для достоверности. В голове стало предательски пусто, если не считать ироничного комментатора с моим голосом, который повторял: «Это просто помидор, просто помидор, просто ягода. Ты скоро будешь делать это с живыми мужчинами, и это будет также фальшиво, только там ещё заплатят парой монет».

Когда оторвалась от «поцелуя» грудь сдавило, а дыхание сбилось. Бешено колотящееся сердце старалось выпрыгнуть из груди, но в целом мне удалось сдержаться. Пожалуй, к

моменту побега моей выдержке точно придётся поставить памятник. Тяжело дыша, я оценила работу. Помидор был весь в мокрых следах, но они выглядели вполне неплохо — как будто я и правда была поглощённая страстью.

Мадам Соления взяла его и подняла над головой, показывая всем:

— Вот так рождается куртизанка. Молодец, пташка, ты отлично справились с заданием.

Урок продолжался ещё целый час. Мы менялись помидорами, целовали их под руководством пришедших мужчин, и каждый раз я с удивлением замечала, что мои движения становятся всё более механически правильными. Я запоминала угол наклона, силу нажима, длительность задержки. Это было похоже на отработку танцевальных па — скучно, но эффективно.

Я смотрела на стоящую по другую сторону девушку — Мари, которая уже перестала плакать, как в начале урока, и с энтузиазмом вгрызалась в свой плод и думала: «Бедняжка, она искренне верит, что это ей поможет. Мы ведь все просто игрушки, которыми собираются пользоваться до тех пор, пока не придём в негодность. Старайся, не старайся, итог всё равно один — нас поимеют несмотря на умение целовать помидоры».

Когда нас отпустили по комнатам, я шла рядом с Мари и Ветреной. Молоденькая и неискушённая брюнетка шептала мне, что никогда не думала, что это будет так стыдно и сладко одновременно. А вот рыжая соседка совсем не стыдилась и даже горделиво вышагивала, ведь её под конец урока очень хвалила мадам Соления.

— Всё будет хорошо, Мари. Это ведь только начало...

А про себя добавила: «Если ты не одумаешься и не сбежишь отсюда, то лет через тридцать ты превратишься в такую же мадам Солению, обучающую новых куртизанок искусствам обольщения мужчин».

Отдых куртизанкам не положен. Так явно считают в «Алой заре», поскольку между занятиями перерыв всего около часа. Не успели мы с Ветреной перевести дух, как учениц вызвали на занятие танцами. Когда я впервые услышала звон в голове, жутко перепугалась. Колокольный набат звучал пару секунд, прерывался и вновь начинал звучать прямо внутри моей черепушки. Я даже с кровати упала, когда услышала местный «звонок на урок».

— Ты чего? — равнодушно спросила Ветрена, спокойно переодеваясь в то безобразие, что здесь считали танцевальным костюмом. — Будто первый раз слышишь, давай поживее, нам пора на урок танцев.

— Это... всегда так? — выдохнула я, стараясь отвлечься от настойчивого звона.

— Конечно, нам же ставят метку, и она может нас не только контролировать, но и вот так звать при нужде.

То, насколько обыденно произнесла Ветрена такую страшную новость, меня потрясло. Значит, на мне не просто какое-то заклятье, а полноценный поводок?! Ироды! Я же теперь себя собакой на поводке ощущаю, а не куртизанкой.

Пыхтя от злости, которую всё равно некуда было выпустить, я схватила свой костюм. Шаровары, из тонкой просвечивающейся ткани, и топ с такими же рукавами. Из плотной ткани всего два кусочка — один на груди, второй вместо трусов. Я видела похожие наряды на танцовщицах восточных танцев, даже когда-то хотела попробовать это направление, но мама обозвала их проститутками и запретила.

Что ж, теперь моя детская мечта исполнилась. Только вместо сказочной принцессы Жасмин, мне предстояло стать жрицей любви. Не этого мне хотелось, но, видимо, нужно чётче посылать просьбы всевышнему.

Хоть я не была ханжой, но всё же, надев столь открытый наряд, почувствовала себя не в своей тарелке. Зато Ветрена наслаждалась своим видом, поправляя рукава и сверкая улыбкой. Судя по всему, её не тяготила будущая жизнь в борделе. Впрочем, я не знала о её жизни до попадания в это место, так что не мне судить девушку, выбравшую такой путь.

Танцевальная зала, большая светлая комната без мебели, вызвала во мне смешанные чувства. Сразу вспомнился момент попадания в этот мир, и последовавшее после этого наказание. Передёрнув плечами, я вошла вслед за другими девушками в пёстрых нарядах. Наставница Эркель уже ждала нас, недовольно зыря по сторонам и выискивая жертву для мучений. Я, невзначай, постаралась спрятаться за спинами шедших впереди учениц.

«Ну уж нет, сегодня я не дам тебе повода цепляться ко мне» — решительно подумала, вставая в шеренгу у стены.

— Доброе утро, девочки, — строго произнесла Эркель, убирая руки за спину и проходясь мимо нас важной походкой. — Как вы знаете, до аукциона и вашего дебюта осталось слишком мало времени. А вы, как были неповоротливыми, так ими и остаётесь.

Зоркий взгляд выперил меня из всей толпы, и продолжила говорить она, глядя в упор на меня.

— Моя задача достойно подготовить вас, несмотря на всё сопротивление. Встали на свои позиции, живо! Разминка началась!

Показывать личный пример наставница не собиралась, только следила, как мы выполняем базовые упражнения на разогрев и растяжку. Решив следовать за другими, я старательно повторяла привычные движения. Ничего сложного, но непривыкшее к нагрузке тело Санрины уже через десять минут лишилось всяких сил.

Мне приходилось незаметно отдыхать, благо прошлое в танцевальной среде научило, как давать телу передышку даже во время занятий. Так что, даже когда девушки одна за другой начали падать без сил, я продолжала упорно выполнять разминку.

— Надо же, Санрина сегодня показывает хороший результат, — прохладно сказала Эркель, проходя мимо. И не успела я порадоваться внезапной похвале, как эта стерва добавила: — Может, почаще вас отправлять в подвал? Вон какой прогресс после всего трёх дней без еды.

Послышались сдавленные смешки других учениц, а я заскрежетала зубами от досады. Вот гадина, так и пытается уколоть меня. Никому больше она не уделяла такого внимания, как к моей скромной персоне. Казалось, наставница целенаправленно изводила меня, заваливая придирками.

Когда мы перешли от разминки к танцевальным движениям, женщина сорвалась с цепи. Оскорбления, битьё тонкой указкой по «неправильно» стоящим частям тела, и много другое обрушилось на нас лавиной. Теперь страдала не одна я, но легче не стало. Все требования Эркель вызвали во мне раздражение, я не понимала, что от нас хотят, ведь никто не собирался показывать, как именно нужно танцевать.

— Вот же идиотки! — рявкнула наставница, раздражённо выходя в центр зала. — Ничего не можете сделать правильно!

— Так покажите, как правильно, — рыкнула я не сдержавшись. — Как нам понять, если мы не видели правильного танца.

— Опять голос подаёшь, Санрина? — прорычала наставница, багровея на глазах. — Мало тебе было наказания? Повторить?

— Госпожа Эркель, но мы правда не понимаем... Да-да, нам бы увидеть... Покажите, пожалуйста, как надо... Мы все запомним!..

Внезапно меня поддержали другие девушки, подхватывая за Ветреной, что заговорила после меня. Оглянувшись по сторонам, я увидела измождённые постоянными придирками лица и поняла. Никто не мог сказать в лицо наставнице правду, но зато они набрались храбрости поддержать. Пусть это и не исправило из отношения ко мне, но теперь я вполне могла избежать наказания.

— Пожалуйста, госпожа Эркель, позовите кого-нибудь из старших для демонстрации.

Глава 7

Фыркая, как взбешённая кошка, Эркель всё же позвала нам куртизанку для обучения, не смотря в нашу сторону. Переглядываясь с другими, я позволила себе облегчённо выдохнуть и улыбнуться. Мой порыв не стал причиной нового заточения, уже крохотная победа. Говорить никто не осмеливался, все молча переминались с ноги на ногу, мечтая упасть у стенок и посидеть хоть пару минут.

Наверное, у работающих куртизанок тоже имелся личный «звонок» в голове, поскольку госпожа Эркель зал не покидала. Просто хлопнула в ладони, произнесла имя девушки и принялась ждать. Алиса, красавица с восточной внешностью, пришла довольно быстро.

Из боковой двери бесшумно выскользнула танцовщица. На ней был уже знакомый костюм: прозрачные шаровары, перехваченные у щиколоток золотыми цепочками, короткий лиф, расшитый бисером, и обнажённый живот с изящной цепочкой, стекающей от пупка. Она была красива той особенной, «восточной» красотой, но я мысленно провела параллель с танцовщицами на курортах Турции — те же жесты, та же улыбка.

«Довольно необычно увидеть такую девушку в борделе, — размышляла я, пока Алиса кротко слушала указания Эркель. — Впрочем, мадам Соления тоже выбивалась среди местных светлокожих и светловолосых девушек. Наверное, они из другой страны».

Выслушав приказ, Алиса прошла в центр зала, закрыла глаза на мгновение, а затем её руки плавно поднялись вверх, и пальцы сложились в изящный жест — словно девушка держала невидимый цветок. Она начала медленно двигаться, плавно входя в нужный ритм. Её бёдра описали ленивый круг, затем второй, и каждый раз позвоночник прогибался так, что я почти слышала хруст позвонков.

«Похожее я видела и раньше, на соревнованиях и представлениях, там даже лучше танцевали. — Размышляла я, пристально следя за движениями куртизанки. — Видно заученные движения, которым даже музыка не нужна».

Звон украшений наполнил зал, Алиса ускорила, и теперь её плечи тряслись с невероятной скоростью, а руки перетекали из одной позиции в другую — то касаясь плеч, то скользя по бёдрам, то взлетая над головой. Глядя на этот танец, я не чувствовала ничего, кроме уважения к мастерству куртизанки.

«Она как кукла, которой сказали танцевать, — осознала, поняв, что меня смущает в танце. — Она совершенно лишена эмоций, просто выполняет свою работу. Разве этим можно возбудить мужчину?».

Однако в следующее мгновение Алиса сделала нечто, что заставило меня замереть. Она начала кружиться на одной ноге, и её шаровары раздулись, как колокол, обнажая стройные ноги. Но куртизанка не просто быстро двигалась, она словно парила над дощатым полом. Её стопы едва касались ковра, и от каждого её движения по полу разбегались золотые искры, будто она отбрасывала не тени, а звёздную пыль.

Я моргнула, подумав, что мне показалось, но искры не исчезали — они вились вокруг неё, как светлячки, и гасли у самых наших ног. Магия?

Представление всё не заканчивалось, перестав кружиться, Алиса опустилась на колени, и её тело извивалось уже у самого пола. Она проводила ладонями по ковру, и пыль, взметнувшаяся в воздух, засверкала, как звёздная туманность. Её позвоночник выгибался дугой, куртизанка откидывалась назад так сильно, что я испугалась, не сломается ли он. А затем танцовщица замерла, перейдя в позу полного поклонения зрителям, и в этой неподвижности чувствовалось смирение дальнейшей судьбе.

Я вдруг поняла, что перестала дышать. Мой циничный внутренний голос, который всё это время комментировал её движения, замолк. Я видела перед собой не просто куртизанку

— я видела женщину, которая превратила своё тело в инструмент соблазна, но утратившей при этом эмоции. Она была одна в своём танце, и мы были лишь случайными свидетелями её сгорающего в огне внутреннего мира.

Госпожа Эркель, стоявшая у окна, кивнула и сухо произнесла:

— Запомните этот момент. Видите, как она держит спину? Вы должны быть пластичными, податливыми, как восковая свеча. Всего одно лишнее движение и вся магия рассеивается, а вы рискуете повредить тело. Алиса, ты отлично справилась, а теперь покажи базовые движения девочкам.

Следуя воле наставницы, Алиса послушно встала и сделала восьмёрку бёдрами — настолько медленно, что я с удивлением заметила, что теперь всё относительно понятно. Я невольно подалась вперёд, ловя каждую деталь. Во мне проснулась профессиональная натура, готовая к работе.

— Теперь ваша очередь, живо встали по местам, — приказала госпожа Эркель, указывая на меня. — Попробуйте изолировать бёдра, как она.

Мы заняли привычные места, на небольшом расстоянии друг от друга. Девушки, увидевшие живой пример, заметно оживились. Их глаза сверкали азартом, только вот он испарился, стоило начать пробовать повторить восьмёрку. Я же надежд не питала, понимая, что гибкости новому телу не дали. Одеревенело, я старалась сделать простейшее движение, и едва не скрипела зубами.

— Нет-нет, — остановила меня госпожа Эркель. — Ты думаешь о движении. А надо чувствовать его. Представь, что твой таз — это маятник, а ноги — опора. Не дёргайся, как пойманная гусеница, а плавно покачивай нижней частью тела.

Закрыв глаза, попыталась представить. И вдруг, когда мозг перестал анализировать, и я просто позволила телу двигаться, появилось ощущение нечто странного — волну тепла, поднимающуюся от низа живота. Мои бёдра начали двигаться легче, и я поймала себя на том, что мне это начинает нравиться.

«Вот чёрт, — подумала я. — Я начинаю получать удовольствие от этого».

Отдавшись танцу, я совершенно позабыла, где нахожусь. Окунувшись с головой в знакомую стихию, мне на какой-то момент даже стало легче на душе. Пусть я лишена прошлой жизни, а вокруг сотни проблем, мне хотелось и дальше танцевать. Столько лет проведя за этим занятием, я больше не представляла без него жизни.

Внезапно послышались аплодисменты, и я открыла глаза, возвращаясь в реальность. Алиса, которая до этого стояла в стороне, наблюдая, слегка улыбнулась — впервые за всё время. И эта улыбка была не насмешливой, а ободряющей. Она сделала шаг ко мне и положила руку на мою талию.

— У тебя хороший потенциал, — почти шёпотом произнесла танцовщица. — Но ты слишком напряжена. Танец — это дыхание. Когда ты выдыхаешь, опускай бёдра, когда вдыхаешь — поднимай. Попробуй.

Я подчинилась, и вдруг движение сложилось само собой. Я чувствовала, как мои мышцы отзываются на ритм, как воздух наполняет мою грудь, а затем выходит вместе с движением.

— Хорошо, — сухо произнесла госпожа Эркель. — Теперь всё повторяйте за Алисой.

Мы выстроились в ряд и начали повторять её движения. Я смотрела на неё и видела, как легко она движется, как её тело течёт, словно вода. И я поняла, что дело не в технике — дело в том, что она приняла своё тело таким, какое оно есть, и научилась им говорить. В моём мире я видела тысячи женщин, которые танцевали для других, но здесь я впервые увидела женщину, которая танцевала для себя — и делала это так, что другие не могли оторвать взгляд.

Время пролетело незаметно. К концу занятия я была вся мокрая, но чувствовала необыкновенную лёгкость. Мари сияла, Ветрена насупившись практиковалась дальше, пытаюсь запом-

нить все па. Я же стояла и смотрела на Алису, которая устало утирала пот с лица и пила воду из стакана.

— Почему ты не работаешь на сцене? — неожиданно спросила я. — Тебя бы с руками оторвали в театре.

Она посмотрела на меня с лёгким удивлением, а затем улыбнулась — той самой загадочной улыбкой, которую я уже видела у мадам Сильвии.

— Я работаю здесь, — ответила Алиса. — И моя жизнь навсегда связана с «Алой зарёй». Точно так же, как и ваши. Мы все обречены развлекать мужчин, отдавать им всё, не получая взамен ничего. Однако даже зная об этом, я стараюсь искать плюсы и получать удовольствие от танцев.

Развернувшись, Алиса ушла из зала, оставив нас в тишине. Я смотрела на дверь, за которой она скрылась, и чувствовала, как моё настроение стремительно портится. Но в то же время я поняла, что даже в самой безумной и чуждой реальности можно найти что-то настоящее. И эта куртизанка, которая танцевала для нас, была настоящей — со своей болью, своей страстью и своей свободой, которую она продавала по частям, но никогда не отдавала целиком.

Я выдохнула и посмотрела на госпожу Эркель, которая уже открыла свою тетрадь и что-то записывала.

— Завтра повторим, — сухо бросила наставница, не поднимая глаз. — Вы обязаны научиться жить в этом месте, отдавая все силы обучению, а после и работе. Иначе мы будем вынуждены перепродать вас в другие бордели. Дешевле и без требований... к девушкам.

Нас отпустили на обед, который длился не больше получаса. В пустой столовой были только ученицы, поскольку бордель уже начал принимать клиентов. Мы слышали отголоски музыки, что доносилась из другой части здания. Судя по всему, новеньких отселяли в отдельное крыло, дабы не пугать раньше времени.

Получив свободу от надзора преподавательниц и старших, молоденькие девушки наперебой стали делиться впечатлениями от занятий. Все галдели, но не забывали про трапезу. Я же настолько проголодалась, что не обращала внимания на других.

Пропуская болтовню мимо ушей, я наслаждалась кукурузной кашей, в которой виднелись небольшие кусочки мяса, и салатом из свежих овощей. Сухой хлеб крошился в руках, но давал недостающую сытость. Я чуть ли не урчала от удовольствия, несмотря на то что в прошлой жизни терпеть не могла такую еду. Всё же, голод меняет предпочтения и стирает границы привычного питания.

— Говорят, на наш аукцион приедут многие знатные мужчины, — донёсся до меня воодушевлённый голос одной из учениц. — Даже драконы могут быть!

— Да ну, врёшь ты всё! — фыркнула другая, надменно задрав нос. — Куда нам до драконов, тем более знатных.

— Вот увидишь, — защищаясь, выпалила первая, — Анрея, — если не ошибаюсь. — Скоро начнётся сезон королевской охоты на магзверей. А там и наша очередь придёт, мужчинам ведь надо сбрасывать напряжение!

— Глупости это всё! — протянула третья девушка, которую звали Бертой. — Хоть Заря и славится своими девушками, но есть бордели и получше.

Девушки продолжали спорить, а я всё никак не могла понять: «Что значит драконы? В этом мире водятся те самые огнедышащие ящеры с крыльями? И они ходят по борделям?!». Бред какой-то, честное слово. Меня терзало любопытство, но спрашивать о таком я не рисковала. Может, сама со временем разберусь. Сейчас главное — продержаться до побега, не вступая в неприятности.

Глава 8

Остаток дня пролетел незаметно, полностью посвящённый работе куртизанки. Здесь обучали даже основам чайной церемонии, дабы девушки не ударили в грязь лицом перед приезжими послами. Да, как выяснилось, «Алая заря» действительно славилась на всю империю и за её пределами. Поэтому нередко сюда забредали иностранцы, жаждущие плотских утех с «экзотикой».

Вернувшись под вечер, я падала с ног от усталости. Купание вместе с остальными ученицами, оставило непередаваемое впечатление. Негативное. Никогда не была любительницей общих бань и тому подобного, где все сверкают голыми задницами друг перед дружкой.

Несмотря на крайне насыщенный день, уснула я с большим трудом. Долго ворочалась в постели, не в силах найти удобное положение на жёстком матрасе. Подушка, напоминающая камень, тоже не слишком располагала к крепкому сну. Зато Ветрена отрубилась сразу, как коснулась головой своей кровати. Вот что значит — привычка.

Тяжело вздохнув, я всё же умостила и закрыла глаза. Сон пришёл внезапно, принес с собой лёгкое облегчение. Нырнув в знакомую темноту, я ожидала новой порции чужих воспоминаний, но вместо этого меня ждало нечто иное.

Тело окутало томительной негой, словно в ожидании чего-то. Ох, чует моё сердечко, неспроста это всё. Всё же, я вновь стала впечатлительной девушкой, находящейся под властью гормонов. А сегодня хватало занятий, где будоражились чувства и воспоминания о бывлой любви. Неужели, сегодня ночью меня ждёт бурная ночь с Глебом? Помню, на заре наших отношений, я часто ловила себя на таких снах.

«Нет, — внезапно накрыло осознание, — это будет не Глеб».

Я стояла на пороге незнакомой комнаты. Вокруг был густой полумрак, а воздух пах влажной землёй после дождя и чем-то пряным. Никогда прежде я не бывала в этом месте, но отчего-то точно знала, что это спальня. Стоя босиком на тёплом полу, мне всё равно было прохладно.

Меня накрыло волной дрожи, когда моё одиночество нарушило чужое присутствие. Мужчина появился из тени, бесшумный и уверенный, как ночной зверь, вышедший на охоту. Первое, что я ощутила — его руки. Они тяжело легли на мои плечи, такие большие, тёплые и невероятно сильные, но при этом безгранично нежные.

Кончики его пальцев прошлись по моей ключице, оставляя за собой дорожку из мурашек, и я выдохнула — протяжно, со всхлипом, которого сама не ожидала. Я всё ещё не видела его лица, но, похоже, мне это и не было нужно. В этом сне ко мне явился тот, кто был воплощением моего самого тёмного желания.

Меня притянули ближе, и я уткнулась носом в чужую грудь — твёрдую, горячую, пахнущую пеплом. Мои ладони сами легли на его спину, скользнув по напряжённой коже, и я ощутила, как под ними перекачиваются тугие мышцы. Незнакомец был обнажён, и это открытие обожгло меня внезапной волной стыда, смешанного с острой, почти болезненной жаждой. Я вдохнула его запах глубже, и мир вокруг сузился до одной-единственной точки — до места соприкосновения наших тел.

Его губы коснулись моего виска, и я вздрогнула. Поцелуй был лёгким, почти невесомым, но я знала — в нём таилась такая мощная, сдерживаемая сила, что у меня подкосились ноги. Мужчина подхватил меня, не дав упасть, и его руки скользнули ниже, на мою талию. Ткань моей ночной сорочки — тонкого шёлка, который я почему-то надела в этом сне — казалась грубой и ненужной. Я хотела избавиться от неё, но не могла пошевелиться, замороженная его прикосновениями. Казалось, он читал мои мысли. Чужие пальцы нашли завязку на моей спине, и я услышала тихий шелест распускающегося узла.

Сорочка упала к моим ногам бесшумным облаком, и я осталась совершенно обнажённой перед ним. Прохладный воздух коснулся моей груди, и мои соски мгновенно затвердели, став невероятно чувствительными. Я инстинктивно прикрылась руками, но незнакомец мягко, но настойчиво отвёл их в стороны.

— Не прячься, — его хриплый голос прозвучал прямо у моего уха, вызывая толпу мурашек. — Я хочу видеть тебя всю.

Отступив на полшага, мужчина взглядом прошёлся по моему телу — медленно, собственнически, почти властно. В сумраке спальни его золотые глаза горели подобно двум факелам. И я сторала под этим взглядом, кожа покрылась румянцем, а между бёдер разлилась тягучая, пульсирующая тяжесть. Мне хотелось, чтобы он смотрел на меня вечно, но в то же время не могла выносить этой пытки — мне нужно было его прикосновение, жар его тела и то, удовольствие, что он мог подарить.

«Я хочу его, — поняла я. — Хочу всего его, несмотря ни на что!».

Словно услышав мою безмолвную мольбу, мужчина опустился на колени. Это было так неожиданно и так интимно, что я замерла, боясь дышать. Он поднял мою ногу, поцеловав внутреннюю сторону моей щиколотки, и я почувствовала, как влага хлынула между моих бёдер, делая кожу липкой и влажной. Его губы поднимались всё выше — к икре, к колену, к внутренней поверхности бедра, оставляя на моей коже мокрые, горячие дорожки. Каждый поцелуй обжигал, и я хваталась за крепкие мужские плечи, чтобы не упасть.

Когда чужой рот добрался до самого центра моего желания, я вскрикнула — тихо, сдавленно, потому что воздух застрял в горле. Влажный язык, явно умелый, коснулся меня, и мир взорвался яркими искрами перед глазами. Мужчина медленно ласкал, с какой-то пугающей дотошностью, исследуя каждую точку, которая заставляла меня выгибаться дугой. Я запустила пальцы в его волосы — они были мягкими и густыми — и притянула его к себе ещё ближе, в бессознательной мольбе о большем.

Окончание пришло слишком быстро, со сладким громким стоном, который вырвался из самой глубины моего нутра. Мои бёдра сжались вокруг его головы, а тело сотрясала крупная дрожь. Я чувствовала, как моя влага течёт по его подбородку, и это зрелище — такое запретное, такое порочное — заставило меня кончить снова, уже слабее, но не менее остро.

Он поднялся на ноги, и я, наконец, увидела его лицо. Оно было красивым — мужественным, с чёткой линией челюсти и глазами цвета расплавленного золота, в которых горел голодный огонь. Но важнее были не черты, а выражение — мужчина смотрел на меня так, будто я была самой ценной вещью во вселенной, и в то же время будто хотел разорвать меня на части от переполнявшего его вожделения.

Подхватив меня на руки — легко, как пушинку — незнакомец направился к застеленной кровати. Белоснежная ткань приняла моё разгорячённое тело, и я ощутила себя беззащитной и желанной одновременно. Мужчина навис над мной, опершись на руки, и я видела, как напряжены его плечи, как ходит ходуном его грудь от учащённого дыхания. Его достоинство касалось моего живота. Твёрдая, горячая плоть пульсировала, и я вжалась бёдрами в него, умоляя без слов.

Но незнакомец не спешил. Впервые поцеловав меня в губы, он сразу властно вторгся в мой рот. Его напористость заводила, и я ответила на поцелуй с голодной отдачей, кусая его нижнюю губу и втягивая её в себя. Наши языки сплелись в страстном танце, заставляя терять голову.

Обжигающие поцелуи не заканчивались. Чужие губы скользили вниз, покрывая кожу отметинами. Шея, ключицы, грудь, и, наконец, стоящие горошины на груди. Он сосал и покусывал, чередуя силу и нежность, пока я не начала умолять его — шёпотом, бессвязным, полным непристойных слов, которые никогда не посмела бы произнести наяву.

— Прошу тебя, — умоляюще выдохнула я, кусая губы от наслаждения и нетерпения. — Войди в меня. Сейчас.

Усмехнувшись, незнакомец окинул меня потемневшим взглядом. Не спеша скользнул рукой между моих бёдер, а после чужие пальцы погрузились в мою влажную, пульсирующую плоть. Проверяет? Так, я готова — более чем готова. Властно раздвинув мои ноги шире, мужчина встал между ними, и я почувствовала внушительное достоинство, коснувшееся моего входа.

На мгновение мы оба замерли, глядя друг другу в глаза, а затем он резко вошёл.

Когда он вошёл полностью, до самого основания, я ощутила себя целой — наполненной, завершённой. Это было похоже на то, как описывают в книгах. Не давая мне привыкнуть, мужчина начал наращивать темп, вжимая меня в смятые простыни. Я вцепилась в его спину, оставляя на коже алые полосы, и прикусила губу, чтобы не закричать от переполнявших меня ощущений.

Ритм менялся, становясь более глубоким, мои бёдра поднимались ему навстречу каждый раз, когда он опускался вниз. Я обхватила его ногами за талию, и это позволило ему проникнуть ещё глубже, до точки, от которой моё зрение потемнело.

— Вот так, — прошептал мужчина мне в ухо, и его голос был хриплым от сдерживаемого стоны. — Чувствуешь, как ты меня принимаешь? Моя. Только моя.

Я могла только кивать, потому что слова застревали в горле. Его ускоряющийся ритм превращался в неистовый танец — теперь он входил резко, почти грубо, с силой, от которой моя голова откидывалась назад, а из груди вырывались отрывистые вскрики. Влажный звук нашего соития наполнял комнату, смешиваясь с моими стонами и его тяжёлым дыханием. Я чувствовала, как снова приближается ослепительный фейерверк окончания.

Меня накрыло волной удовольствия, которая прокатывалась от моего лона до самых кончиков пальцев. Моя влага хлынула по его достоинству, а комнату наполнил низкий протяжный стон. Мужчина ещё несколько раз толкнулся во мне, и я почувствовала, как его семя изливается внутрь меня — горячими, мощными толчками, которые казались бесконечными.

В этот момент я ощутила нечто большее, чем просто физическое удовлетворение — словно возникла незримая нить, соединяющая нас навеки.

Мы лежали неподвижно, сплетённые друг с другом. Тяжёлая рука по-хозяйски легла мне на живот, притягивая ближе, и я прислонилась щекой к его груди, чувствуя, как бьётся чужое сердце. Он целовал мою макушку, висок, влажное от слёз — когда я успела заплакать? — лицо, и говорил что-то тихое, бессмысленное, убаюкивающее. Я тонула в его объятиях, окутанная запахом пепла и теплом, и в этот момент сон начал таять, как утренний туман.

Я попыталась удержать его, удержать это ощущение наполненности и покоя, но реальность наступала, отвоёвывая свои права. Я почувствовала, как чужие руки становятся прозрачными, как мужское дыхание удаляется, растворяясь в ночной тишине. Я хотела закричать, чтобы он вернулся, но ни единого звука не вырвалось наружу.

Резко проснувшись, я села на постели, с бешено колотящимся сердцем и влажным, разгорячённым телом. Моя ночная рубашка была на месте, сухая и целая, но между ног всё ещё пульсировала сладкая истома. На простыне обнаружилось небольшое влажное пятно — слишком реальное, чтобы быть просто игрой воображения. Я замерла, прислушиваясь к своему телу, которое всё ещё дрожало от эха недавнего взрыва, и поняла, что никогда — никогда! — не забуду этого сна. Я легла обратно, обняла подушку, вдыхая её запах, который почему-то напоминал пепел, и улыбнулась в темноту. Мне хотелось снова провалиться в ту бездну, где правил он — мой ночной гость.

Глава 9

Второй раз просыпаться оказалось легче, несмотря на неясную тяжесть на душе. Стыдливо покраснев, я постаралась отогнать непрошенные воспоминания о жарком сне с незнакомцем. Сновиденье и так стремительно таяло, утрачивая чёткость, но обжигающий взгляд золотых глаз всё ещё преследовал меня. Уф, не ожидала я такого, вот фантазия удружила.

Встряхнув головой, я пару раз хлопнула себя по горящим щекам. Так, всё, пора приниматься за дело. Я твёрдо решила возобновить тренировки, дабы придать новому телу пластичности. Всё же от «деревянного» тела толку мало, особенно если я решу зарабатывать танцами и в этом мире.

Я пока слабо представляла жизнь, после побега отсюда. Но для начала следовало не только усилить мышцы, но и выучить язык да узнать побольше про окружающий мир. Нет времени на отдых, Саша, пора приниматься за работу.

Встав с постели, я сосредоточилась на разминке. Каменные, забитые мышцы неохотно поддавались, ноя тупой болью уже через пять минут. Однако я лишь стиснула зубы, раз за разом проходя свою стандартную программу тренировки. Не впервой мне проходить через боли ради цели, так что волю в кулак и вперёд, покорять мир.

— Ну ты... сумасшедшая, — сонно пробормотала Ветрена, проснувшись и увидев меня посередине комнаты в позе зю.

— И тебе доброе утро, — фыркнула я, плавно переходя в другую позицию пилатеса.

— В тебя демоны вселились? Или просто решила сломаться, дабы не идти на занятия? — зевая, спросила соседка.

— Это полезно, — на выдохе произнесла я, стараясь не сбить дыхание. — Если хочешь — присоединяйся, потом спасибо скажешь.

— Ну уж нет, такой дурью сама майся, а меня не втягивай, — сразу дала заднюю Ветрена, пару раз махнув рукой.

— Как хочешь, — равнодушно бросила я и медленно закончила упражнения.

Утром воду в купальне не грели, и мне пришлось ополаскиваться ледяной, чтобы не пахнуть потом на весь бордель. Закончив с умыванием и сборами, я как раз успела на завтрак. Не обращая внимания на колкости со стороны старших, быстро проглотила завтрак. Второй раз остаться без него мне не хотелось, да и главной заводилы — Магмы — сегодня не было видно. Может, всё ещё работает, бедняжка.

Занятия пошли по привычному маршруту, почти не цепляя разум. Я механически повторяла всё, что говорили, и старалась не слишком кривиться от абсурдности ситуации. Уроки мадам Солеи превратились в сплошное мучение, ведь с помидоров мы всё же перешли на настоящих мужчин.

Меня едва не вывернуло, когда пришлось тренировать страсть на живом объекте. ДА, кандидат на роль манекена был довольно симпатичным, но... Я к нему не чувствовала ничего. Пару раз меня отчитали за плохую работу, без огонька, а после пригрозили повторной отработкой после занятий.

Проходить через это второй раз я категорически не собиралась, так что подключила всё своё воображение и приступила к практике. С трудом вызвала образ ночного гостя, что приснился мне этой ночью, и дело пошло легче. К концу урока я напоминала выжатый лимон, но всё же справилась. Выходя из кабинета мадам Солеи меня почти трусило, чтобы прийти в себя я с силой сжала кулаки, оставляя на внутренней части ладони кровавые полумесяцы от ногтей.

Боль отрезвила. Верно. Это просто урок, необходимый, чтобы усыпить бдительность всех вокруг. Нельзя выбиваться из общей толпы, привлекая внимание и сопротивляясь неизбеж-

ному. Я справлюсь, как справлялась всегда. Даже если придётся поступиться гордостью, это ничто перед манящей свободой.

— Ты молодец, — донёсся до меня голос мадам Солеи, которая вышла вслед за мной и положила изящную руку мне на плечо. — Понимаю, это тяжело для вас, но такова судьба каждой куртизанки.

— Я понимаю, мадам, — тихо выдохнула я, стараясь не выдать своего поганого настроения.

— Вот и славно, — слабо улыбнулась наставница, мягко сжимая пальцы. — Ступайте на занятие каллиграфией, вас уже жаждали.

Воодушевившись, я пошла на новый урок. Ветрена шла рядом, будто став моей тенью. Соседка явно сменила своё отношение ко мне, став более дружелюбной. Ну или мне так казалось, кто там разберёт. В любом случае мы проводили больше времени друг с другом, и стычки с другими ученицами плавно пошли на спад. Хоть нас по-прежнему избегали и осыпали не самыми приятными шепотками.

Каллиграфия была тем самым, что я жаждала узнать. Вела её сама маман, тратя драгоценное время на обучение новых куртизанок. Увидеть мадам Дейстру в комнате с низкими столами, на которых лежали стопками листы пергамента и чернильницы, было неожиданно. Но стараясь не слишком пялиться, все прошли по местам и села на подушечки.

— Приступим к изучению алфавита, — громко произнесла мадам Дейстра. — Думаю, многие из вас впервые видят буквы, но умение вести переписку и писать является важным умением для куртизанки. Взяли перья в руки и начали, «А»...

Прикусив язык от усердия, я тщательно выписывала местные закорючки. Письменность чем-то напоминала арабскую вязь, но отличалась как небо и земля. Мозг кипел от новой информации, пальцы не слушались и то и дело оставляли кляксы на серовой бумаге. Всё же, ручка гораздо удобнее перьев, с ней хоть можно совладать.

«Может, подать идею местным мастерам? — зло пыхтела я, пытаюсь вывести ровную линию пером. — Блин, я же не знаю, как устроена самая простая ручка! Вот же, чёрт, такой план разбогатеть коту под хвост!».

До самого ужина мы зубрили буквы, пачкая десятки листов своими попытками красиво перенести алфавит. К концу этого бесконечного мучения мои пальцы не слушались, ладони занемели, а спина превратилась в сплошной сгусток боли. Нам не давали перерыв, хотя каждая из учениц периодически постанывала и молила о пяти минутах отдыха. Казалось, за мадам Дейстрой гнались бесовские псы, кусая за пятки, и напоминали, что близится «аукцион».

Так что в столовую мы ввалились стонущей гурьбой, позабыв про старые обиды. Всё же, совместные мучения немного, на самую малость, сближают. Переглядываясь с Ветреной и Мари, мы заняли места подальше от входа. Девочки-служанки уже спешно расставляли перед нами блюда с сытным ужином, наполняя аппетитным ароматом весь зал.

Магма явилась неожиданно, вызвав у всех удивление. Сейчас самый разгар работы, но куртизанка явно не спешила исполнять свою работу. Присмотревшись, чисто от скуки и в ожидании своей порции, я заметила слишком неестественные движения местной звезды. Девушка двигалась осторожно, её плечи были напряжены, а каждый шаг давался ей с трудом.

Когда она села на своё место во главе соседнего стола, изящная рука дрогнула, и она оперлась на стол, чтобы не упасть. Под кружевной перчаткой, на запястье, я увидела тёмный багровый синяк — свежий, только что поставленный. Он уходил выше, под рукав, и до меня дошло, что это не единственный след. Если приглядеться, то можно заметить, что левая рука Магмы висела подобно плети, и когда она случайно задела ею край стола, по накрашенному лицу пробежала судорога, которую куртизанка тут же скрыла за ледяной улыбкой.

«Её избили, — поняла я, слегка прищурившись. — И не просто пару раз ударили. Нет. Похоже на вывих плеча, а синяки на шее — следы удушения. У нас бы за такое посадили, а здесь, судя по всему, это называется „работа с постоянным клиентом“».

В прежние времена я не единожды видела статьи и репортажи, где высвечивали такие вот инциденты. Современные женщины боролись за свои права, всеми силами старались загонять сексуальных преступников за решётку. А здесь... Это в порядке вещей, впрочем, не думаю, что к проституткам в нашем времени отношение было лучше. К великому сожалению, ценность женщины в борделях равна 0.

Одна из служанок, самая маленькая, с рыжими косичками, поставила перед Магмой тарелку и пролила несколько капель на скатерть. Вздвогнув, она зло посмотрела на малышку, и я услышала, как куртизанка прошипела сквозь зубы:

— Неуклюжая дура. Смотри, куда ставишь.

Девочка побледнела и отшатнулась, чуть не уронив поднос. Я хотела вмешаться, но Мари сжала мою руку под столом. Я промолчала. Сцепила зубы, напоминая, что мне нужно продержаться здесь ещё немного. Но, глядя на избитую звезду «Алой зари», мне всё больше хотелось лишь одного — поскорее убраться из этих мест.

Магма отодвинула суп и откинулась на спинку стула. Её глаза — насыщенные сапфиры в обрамлении густых ресниц — скользнули по нашему ряду и остановились на мне. Я чувствовала этот взгляд, тяжёлый и злой, и знала — сейчас она сорвёт злость на ком-нибудь из нас.

«Ну всё, — подумала я, — сейчас опять начнётся шоу. Мало ей, что ли? Лучше бы третила силы на восстановление, а не на очередной скандал».

— Ты, — произнесла Магма, указывая на меня с лёгкой усмешкой. — Крошка бродяжка, чего уставилась? Думаешь, раз кровь голубая, то лучше нас? Я тебе ещё прошлый раз не простила, а ты смеешь пялиться на меня своими глазёнками?!

Глядя на эту фурию, что всеми силами старалась скрыть боль под маской стервы, я старалась сохранить спокойствие. Напоминала себе: «Она пытается сделать больно, потому что ей самой больно. В психологии, кажется, это называется „защитный механизм“». Но всё же моё терпение таяло, как снег по весне. Я не была святой, не собиралась стоически принимать все удары ближнего своего, лишь бы он отвёл душу и познал успокоение.

— Я думаю, что мы все здесь по одной причине — нас продали, — тихо ответила я, сжимая кулаки под столом.

Магма усмехнулась, но улыбка оставалась кривой, злой.

— О, какая неженка среди нас! Тебя продал дядя, да? А меня продал собственный отец. И что с того? Мы здесь, и это наша судьба. Но ты ещё не знаешь, что такое быть на вершине. Думаешь, что сможешь вернуться в свой, аристократичный, мир? Нет, милая. Ты будешь танцевать, улыбаться, и каждый раз, когда ты поднимешься на ступень выше, ближе к желанной цели, кто-нибудь ударит тебя так, что ты упадёшь. И так раз за разом, пока ты не состаришься и не утратишь ценность.

Она говорила громко, и все за столом замерли. Маленькие ученицы, стоящие у стен, опустили глаза, но я видела, как они дрожат. Мари вжалась в скамейку, а Ветрена сидела с каменным лицом, боясь дышать. Я же не отводила взгляда от Магмы, которая выплёвывала ядовитые слова, почти не скрывая блестящих в уголках глаз слёз.

«Она права, — подумала я. — Полностью права. Для всех куртизанок нет пути назад, в родные дома».

— Тебя ударили, — понимающе произнесла я, понимая, что делаю опасный шаг над бездной. Либо мы придёт к мирному решению, либо я получу в глаз, как минимум. — Я вижу твою левую руку, Магма. Она сломана? Или просто вывихнута? И эти синяки на шее — мне доводилось видеть такие на другой женщине после того, как её муж приходил в ярость.

Лицо Магмы изменилось. В нём вспыхнула ярость — бешеная, слепая, готовая испепелить всё на своём пути. Она вскочила, опрокинув миску с супом, и та с грохотом покатилась по столу, разливая жирную жидкость на скатерть.

— Ты смеешь!.. — закричала куртизанка. — Ты, ничтожная, продажная тварь, смеешь жалеть меня?! Ты даже не знаешь, что я пережила! Ты не знаешь, что такое просыпаться в крови, своей или чужой — неважно, и идти на ужин с улыбкой!

Подлетев ко мне, сделав несколько быстрых шагов, Магма замахнулась. Глядя на этот дрожащий кулак, сжатый для удара, я видела, как проступают свежие ссадины. Однако её левая рука, та, что была в синяках, повисла как плеть — она не могла ею ударить, потому что каждое движение приносило ей невыносимую боль. Я видела, как Магма закусила губу, чтобы не закричать, и слёзы ярости навернулись на голубые глаза.

Стараясь не поддаваться панике, я поднялась со своего места. Все затаили дыхание, ожидая, что я брошусь на неё или сбегу. Но я медленно, стараясь не делать резких движений, подошла к ней вплотную. Она смотрела на меня, как загнанный зверь, готовая нанести удар, но её тело не слушалось.

И в этот момент я просто обняла вздрогнувшую девушку, позволяя её слабо ударить спину. Магма замерла в моих объятиях. Её грудь тяжело вздымалась, а, судя по всхлипам, слёзы, наконец, потекли по её щекам, размазывая румяна и тушь. Уверена, сейчас никто бы не назвал её звездой «Алой зари», она выглядела просто разбитой женщиной, которая уже не могла притворяться.

— Убирайтесь все, — судорожно прохрипела Магма, обращаясь к остальным. — Все вон!

Глава 10

Я проводила взглядом спешно встающих и уходящих учениц, которые смотрели на нас с Магмой с сочувствием. Маленькие девочки, всё ещё дрожащие, выскользнули за ними, унося пустые тарелки и опрокинутые миски. Спустя пару мгновений мы остались в полном одиночестве, и я была вынуждена слушать тихие всхлипы куртизанки.

Судорожно вздохнув, Магма резко отстранилась и опустилась на ближайшую скамейку, тяжело дыша. Её руки, сложенные на столе, тряслись так, что я слышала, как звенит её единственное кольцо — простой серебряный ободок без камней. Я заметила его раньше, но не придавала значения. Видимо, это единственная вещь, которая осталась у девушки от прошлой жизни, и теперь она цеплялась за неё как за спасательный круг.

Вздохнув, я молча села напротив неё. Мы сидели в тишине, нарушаемой лишь её тяжёлым дыханием и треском масляных ламп. Прошло несколько минут, прежде чем она заговорила.

— Лорд Деброш, — тихо начала Магма, потирая запястья и не глядя на меня, — любит удовольствие на грани... Удушение, связывание, плётки... Я терпела, принимала всё, и он возвращался снова и снова... Он хорошо платил. Всегда оставлял больше, чем положено... Но в этот раз...

Каждое слово давалось куртизанке с трудом, она то и дело останавливалась, чтобы успокоиться. Я же, стиснув зубы, смотрела на израненное тело, которое девушка пыталась скрыть косметикой. В нашем мире тоже есть люди, любящие остренькое, но там всё по обоюдному согласию. Здесь же... это просто сексуальное насилие в чистом виде, за которое по-хорошему лишать «достоинства».

— Его жена была беременна, — скрипнув зубами, продолжила Магма, впервые глядя прямо мне в глаза. — До недавнего времени... Лекарь сказал, что выкидыш произошёл из-за любовной болезни... И тогда лорд Деброш пришёл сюда, чтобы... Чтобы... Ах, я не могу...

— Он... посчитал тебя виноватой? — осторожно спросила я, пытаюсь сдержать гнев на столь отпетого гада.

— Да, — судорожно выдохнула Магма, отводя взгляд. — Несмотря на то что матушка Дейстра тщательно следит за нашим здоровьем, лорд уверен в своей правоте. Он не только избил меня, но ещё и требовал компенсации... Теперь я должна «Алой заре» втрое больше, чем заработала за всё время!

— Какой кошмар, — потрясённо пробормотала я, смутно прикидывая, насколько же большая сумма там выходит, учитывая популярность Магмы.

— Матушка... Матушка Дейстра сказала, что отныне я буду обслуживать всех, — едва слышно произнесла куртизанка. — Пока не выплачу долг, и в моих интересах не воротить носом от клиентов.

— Мне жаль, — это всё, что и смогла выдавить из себя, не в силах подобрать правильные слова для утешения. — Мне очень жаль, Магма. В этом нет твоей вины...

— Знаю, и от этого ещё паршивее, — с кривой усмешкой ответила девушка, глядя на меня заплаканными глазами. — Все мы — ничтожества, которые не имеют права на заступничество. Она ведь ни слова не сказала супротив его обвинений. Ни единого слова...

Не желая больше говорить, Магма поднялась и молча вышла из столовой. Я же осталась сидеть, опустошённо глядя перед собой. Этот мир прогнул, ещё хуже нашего, в котором тоже часто случались подобные истории. Я смотрела на свои руки, изящные кисти с длинными пальцами, и отчего-то представляла, как постепенно они покрываются ссадинами и синяками. Как нежная кожа запястий приобретает багровый и лиловый оттенки, словно кто-то долгое время связывал их.

«Мне предстоит то же самое? Стать покорной и безропотной, лишь бы выкупить свободу? Что, если мой план провалится и я навсегда останусь в этих прогнивших насквозь стенах борделя? Есть ли у меня хоть малейший шанс избежать судьбы, что уготована Санрине?».

Я собиралась дожидаться подходящего момента для побега, желательно перед самым аукционом. Но теперь, мне казалось, даже один-единственный день промедления станет для меня кошмаром. Не смогу я молча выносить всё то, что происходит в Заре. А если подам голос... Меня накажут, запрут в подвале или ещё что похуже.

Погрузившись в себя, я пропустила момент возвращения учениц обратно в столовую. Помещение наполнялось голосами, однако я не могла разобрать их разговоры. Меня будто окружил вакуум, не дающий звукам пробиться.

Желание есть пропало напрочь, и под любопытными взглядами я медленно поднялась со скамейки и направилась к выходу. Кто-то пытался остановить меня, схватив за плечо, но я лишь стряхнула чужую ладонь. Выскользнув в коридор, облегчение не появилось, даже, наоборот, я ощутила, как на меня давят стены этого места. Сжав кулаки, я быстрым шагом, почти бегом, пошла в свою комнату.

Очутившись в крохотной комнатухе, я позволила себе выдохнуть. Паника накатывала волнами, как и окончательное осознание, в какое дерьмо я вляпалась. Раньше, до этого момента, мне не приходило в голову то, что здесь настолько дикие нравы. Да, меня наказали. Да, заперли на три без еды. Но... я не думала, что всё настолько ужасно.

— Сбежать... надо сбежать как можно быстрее, — лихорадочно шептала себе под нос, пытаюсь сдержать рвущийся наружу крик. — Нельзя ждать до аукциона... Никак нельзя, вдруг они решат продать нас раньше... И я не успею сбежать... Боже, какая же я дура!

В этот момент дверь комнаты со скрипом отворилась, заставив меня вздрогнуть. Резко обернувшись, я увидела Ветрену и облегчённо выдохнула. Рыжая соседка придиричиво посмотрела на меня, а после ругнулась. Быстро закрыв дверь, она в два шага оказалась рядом со мной и грубо схватила меня за плечи. Пару раз встряхнув и не ощутив сопротивления, девушка выругалась ещё раз незнакомыми словами.

— Идиотка, приди в себя! — рявкнула Ветрена, со злостью глядя мне в глаза. — Опять за старое взялась?! Я думала, ты поумнела, Санрина! Неужто разговор с Магмой вернул тебя в самое начало?! Посмотри на себя, да мертвяки и то лучше выглядят!

— Что? — обескуражено выдавила я, постепенно приходя в себя из состояния ступора. — Ветрена...

— Что «Ветрена»? — рыкнула соседка, — Ты выглядела точно так же, как только попала сюда. Забитая псина, в панике мечущаяся по комнате, и бормочущая одно и то же «Сбежать. Сбежать. Сбежать»! Думаешь, за стенами борделя жизнь лучше? Не смей!

— Разве что-то может быть хуже, чем работа куртизанкой? Магма... Её долг, из-за одного несправедливого обвинения, вырос в три раза! Здесь нет справедливости, нет законов, ничего нет!..

— Нигде нет, — зло бросила Ветрена, — нет в этом прогнившем мире ничего из того, что ты перечислила. Для знати, может, и есть крупницы, а вот для простых смертных нет. Мы букашки, которые обязаны до скончания жизни платить налоги, выгребать дерьмо за богачами и при этом помалкивать.

Ветрена отступила от меня, с прищуром глядя на меня. В её взгляде смешалось столько эмоций, что я совсем утратила способность их разбирать. И теперь могла лишь беспомощно открывать рот, без возможности вставить хоть слово в гневную тираду соседки.

— Знать чхать хотела на нас, их заботят лишь власть и грызня за неё. Хотя кому я говорю, тебя ведь сплавил в «Алую зарю» как раз таки из-за этой проклятой власти! Опомнись! Сбежав, ты ничего не добьёшься. Только станешь лёгкой мишенью для разбойников, а то и рабо-

торговцев! Здесь хотя бы приличные клиенты, которые щедро платят. Попадёшь в рабство — забудешь обо всём, Санрина!

— Рабство? Здесь есть рабство?!

— А где его нет? — фыркнула взбешённой кошкой Ветрена. — Западное королевство, да и восточное, с радостью берут в рабыни женщин империи! Мы для них — экзотика, за которую они готовы платить работоторговцам втридорога.

Я задохнулась от ужаса, а соседка продолжала добивать меня подробностями об этом мире.

— Драконы, прибывшие в империю и сменившие власть, ещё хоть как-то стараются изменить порядки. Однако эти ящеры всё равно больше озабочены собственными проблемами, и на большинство людей им плевать. Так что, Санрина, добрый совет — забудь о свободе. Выкинь её из головы, смирись с судьбой и перестань мечтать о невозможном. Женщина в этом мире имеет лишь несколько ролей: дочь, жена, любовница и вдова. И не нам решать, кем мы станем, Санрина. Всё решено за нас...

Слова Ветрены, наполненный болью и отчаянием, окончательно разбили мои розовые очки. Но несмотря на это, я не отказалась от идеи побега. Наоборот, лишь сильнее уверилась в необходимости выбраться наружу и своими глазами увидеть новую реальность. Только вот говорить об этом соседке не собиралась — не понять девушке моих чувств.

Ветрена ещё некоторое время говорила, пытаясь донести до меня свою мысль. Я кивала, отводя взгляд, и всё равно подсчитывала шансы на успех побега.

Этот мир ужасен? Да, бесспорно. Здесь у женщин нет прав? В нашем прошлом тоже был такой период, но он закончился. Всегда можно прикинуться вдовой, раз уж у них есть крохи власти над судьбой. Это не повод запира́ть себя в стенах борделя, день за днём принимая клиентов и развлекая своим телом. Я не собиралась мириться с таким, уж лучше просто умереть.

«Нет. Нельзя думать о смерти, — внушала себе, успокаивая трепещущее сердце. — Я справлюсь. Не может быть такого, что во всём большом мире не найдётся для меня места».

— Ты поняла меня? — хмуро спросила Ветрена, вырвав меня из размышлений.

— Да, — кротко кивнула я. Немного подумав, я всё же добавила: — Спасибо. Правда, спасибо, Ветрена.

— Ты мне нравишься, — устало произнесла соседка, отводя встревоженный взгляд. — В последнее время я думала, что мы нашли общий язык и ты смирилась со своим положением. Мне действительно кажется, что нет для нас лучшего шанса на сытную жизнь, чем работа в «Алой заре».

— Я понимаю, — со вздохом ответила, садясь на свою кровать. — Но разве ты не мечтала об иной судьбе? Заниматься чем-то другим? Тем, что приносит тебе радость...

— Радость? Какой в ней смысл, если ты умираешь от голода? — хмыкнула Ветрена, садясь напротив меня. — Моя мать жила мечтами, и с ними же умерла. А отец... Он продал меня сюда, когда понял, что не может прокормить даже себя. Мои братья погибли от хвори, лекарства от которой стоили несколько серебрушек. Санрина, ты выросла в любящей семье, не зная бед, но... Не всем так повезло, многие пришли сюда сами, понимая свои перспективы.

— Да уж, патриархат и классовая система до добра не доводят, — пробормотала себе под нос и потёрла переносицу.

— Что-что? — услышав моё бормотание, спросила соседка.

— Ничего, — отмахнулась я, качнув головой. — Ты полностью права. Мне не понять всего этого, как ни крути.

— Давай отдыхать, — вздохнула Ветрена, укладываясь на свою постель и поправляя подушку. — Завтра очередной тяжёлый день, надо хотя бы выспаться.

— Ага, доброй ночи.

Немного помедлив, я тоже легла и подмяла под себя жёсткую подушку. Спать не хотелось, а в голове то и дело возникала навязчивая мысль: «Нужно сбежать. Прямо сегодня». Я старалась её уничтожить, но разум упорствовал. Вскоре комната наполнилась тихим сопением Ветрены и моими тяжёлыми вздохами.

Дождавшись, пока соседка крепко уснёт, я медленно встала. Половицы едва слышно скрипели под моими ногами, но я всё равно старалась идти как можно тише. Предательские ржавые петли заскрипели, стоило попытаться открыть дверь.

Закусив губу от волнения, я медленно отворила их. Получилось. Я нырнула в сумрак коридора, молясь всем богам, чтобы с первого раза найти выход отсюда. За дверьми других комнат царил тишина, кое-где слышался храп. Моё сердце бешено колотилось в груди, пальцы похолодели от страха быть пойманной.

Осторожно идя вдоль стены, я сначала забрела на кухню. Здесь всё ещё витали остатки аромата еды, усиливающиеся стоило подойти ближе к кухонной двери. Никогда прежде я не была в ней и не знала, что и где лежит. Отсутствие света мешало, привыкшие к сумраку глаза, видели только очертания мебели вокруг. С трудом, но мне удалось обнаружить ящик с овощами, остатки хлеба и мяса.

Набрав всего понемногу в найденную рядом сумку, я поспешила к выходу. Мне постоянно казалось, что время играет против меня. Волнение нарастало, а страх всё сильнее оплетал своими щупальцами сердце.

Коридор встретил меня всё той же тишиной. Проходя мимо учебных комнат, я опасливо оглядывалась по сторонам. Никого. Ни единой живой души, значит, пока удача на моей стороне. Чем дальше я уходила от спален и классов, тем отчётливее слышались отзвуки музыки и чужие голоса. Видимо, я приближалась к основному зданию борделя. Теперь надо быть во сто крат осмотрительнее, чтобы не поймали.

Спустившись по лестнице, я оказалась на первом этаже. Мне всё больше казалось, что этот бордель напоминает лабиринт. Музыка теперь звучала отовсюду, а мужские голоса и взрывы смеха, вызывали волны дрожи по спине.

«Ещё немного, — молилась я, опасливо идя в неизвестном направлении и мечтая, чтобы путь вёл на улицу. — Ещё немного пройти, господи, и я покину это место».

Именно в этот момент я уткнулась носом во что-то твёрдое. Боль вспыхнула резко, заставляя едва слышно зашипеть себе под нос парочку проклятий. И тут до меня дошло, что тьма передо мной тоже ругается. Тихо, неразборчиво, но точно ругается!

Отшатнувшись, я едва не рухнула на пол. Меня удержали чьи-то крепкие руки, явно мужские, не давая упасть. Незнакомец резко притянул меня к себе, зажимая большой горячей ладонью рот и не давая мне издать ни звука. Внутри меня всё заледенело, паника захлестнула с головой, а сердце так и вовсе зашло чечёткой.

— Молчи, — хрипло произнёс мужчина, вжимая меня в стену. — Ты ничего не видела, поняла?

С трудом кивнув, я едва не утратила самообладание. Чужое огромное тело отодвинулось от меня, и я заметила смутное золотое свечение, будто бы отблеск света в звериных глазах. Но не успела понять, что происходит, как осталась одна-одинёшенька в коридоре. Незнакомец испарился, словно его и не было.

Утратив силы здраво мыслить, я резко рванула вперёд. Ноги несли меня к выходу, что маячил в конце коридора. В ушах набатом звучал стук сердца, заглушая все остальные звуки. И видимо, именно это не дало мне вовремя осознать, что план провалился. Яркий свет внезапно ударил по глазам, заставляя закрыть их. И в тот же миг по ушам ударил рык матушки Дейстры:

— «Стоять, паршивка!».

Тело рухнуло как подкошенное, оставшись в один миг без способности двигаться. Боль резанула по шее, сдавливая её незримыми путами. Метка вгрызалась в кожу, словно колючая

провокола. Я захрипела, не в силах сдержаться. Боль ослепляла, а разум будто сгорал в магическом пламени.

— Сбежать удумала, гадина? — прошипела над моей головой мадам Дейстра, непонятно когда успевшая подойти. Её пальцы с силой вцепились в мои волосы, заставляя подняться на четвереньки. — Похоже, одного урока тебе мало. Что ж, теперь это станет примером для всех остальных.

Глава 11

Я попыталась что-то сказать, оправдаться, но вырвался лишь судорожный хрип. Незримые путы плотно сжимали горло, не давая выдавить ни звука. Взбешённая мадам Дейстра удовлетворённо хмыкнула и рывком поставила меня на ноги. Её руки, сухие и цепкие, схватили за локоть и потащили куда-то вглубь коридора. Тело не слушалось, колени подкашивались, и я беспомощно волочилась за ней, оставляя на досках влажные следы от передавленных помидоров из сумки.

— Сейчас ты поймёшь, почему «Алая заря» славится своей дисциплиной, — вещала женщина не оборачиваясь. — Ты хотела быть свободной, крошка? Свобода здесь — это роскошь, которую нужно заслужить.

Мы вышли в зал для занятий танцами. Сейчас там горели лишь несколько масляных ламп, бросая тени на стены. Прошло всего пара мгновений, как мне показалось, и в зал начали стекаться люди. Ученицы, служанки, даже несколько работающих куртизанок, которым выпал шанс отдохнуть между клиентами. Сквозь пелену слёз я видела их размытые сонные лица, на которых застыл интерес, смешанный с непониманием.

В центр зала втащили деревянную скамью — грубую, без спинки, с потёртыми от времени краями. Её поставили прямо под тусклым светом люстры, и по моей спине прокатился ледяной пот. Место для наказаний? Серьёзно? Боже милостивый, неужели она дойдёт до этого?!

— Раздевайте её, — приказала матушка, и две здоровенные служанки, которых я раньше не замечала, подошли ко мне.

Их руки, грубые и безжалостные, разорвали на моё платье. Ткань затрещала, и в тот же миг по обнажённой коже скользнул порыв холодного ветра, покрывая её мурашками. Стыд обжёг лицо, но я не могла прикрыться — чужие руки держали сзади, выворачивая плечи.

— Привяжите её к скамье, — спокойно добавила мадам Дейстра.

Через мгновение меня грубо уложили животом на холодное дерево. Запястья и щиколотки стянули дешёвой верёвкой, которая впилась в кожу, оставляя первые ссадины. Я лежала лицом к полу, видя лишь доски и собственные пальцы, судорожно сжимающиеся в кулаки. Ногти впились в ладони, оставляя кровавые полумесяцы.

В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь моим судорожным дыханием. Кто-то всхлипнул — кажется, это была Мари. Я не могла повернуть голову, чтобы увидеть, но слышала шепотки девушек. Испуганные вздохи, и чьё-то приглушённое бормотание: «Бедная, она же только начала...» А затем раздался звук, от которого всё внутри меня замёрзло. Звук кожи, натягиваемой на деревянную рукоять. Плеть. Длинная, узкая, с металлическими вплетениями на конце. Я видела её тень, упавшую на пол, и внутри всё оборвалось.

— Считай до десяти, — ледяным тоном приказала матушка Дейстра. — Если будешь кричать, я добавлю ещё пять ударов.

Ответить я не успела, задохнувшись от внезапной боли. Первый удар обрушился на мою спину, и мир разбился на осколки.

Похожая на удар током, она пронзила тело от лопаток до поясницы. Открывая рот в безмолвном крике, я возненавидела весь этот проклятый мир. Воздух застрял в груди, и я захлебнулась им, вжимаясь лицом в деревянную поверхность. Кожа горела, а по спине, казалось, стекал расплавленный свинец. Я сжала зубы до скрежета, ногти впились в ладони, оставляя кровавые полумесяцы.

— Считай, — отчеканила матушка, и я услышала, как она перехватывает плеть поудобнее. — Ты ещё легко отделалась, крошка. За побег куртизанки в империи полагается отсечение ног. Я же даю тебе шанс исправиться.

— Один, — прохрипела я, собрав все силы.

Второй удар пришёлся чуть ниже, пересекаясь с первым, и я почувствовала, как лопается кожа. Тёплая кровь потекла по бокам, капая на пол. Я издала сдавленный стон, но не закричала. Нет, я не порадуя эту старую с...грымзу своим криком. Но мысль была слабой, почти угасающей, погребённой под волной агонии. Слёзы градом катились из глаз, я не видела ничего, кроме размытых пятен. Где-то вдалеке я слышала приглушённые всхлипы, однако не видела чьи.

— Два.

— Надеюсь, остальные запомнят этот урок. Никто не покидает «Алую зарю» без моего разрешения. Никто. Ты, Санрина, должна была усвоить это ещё в подвале, — спокойно продолжила матушка.

Третий удар. На этот раз плоть полоснула по рёбрам. Я выгнулась дугой, насколько позволяли верёвки, и судорожно втянула воздух. Во рту появился привкус железа, видимо, прокусила губу, в отчаянной попытке не закричать. Но внутри, где-то глубоко, рождался крик, который не находил выхода. Мне хотелось выть от боли, биться, рвать эту проклятую верёвку, но тело оставалось беспомощным, как у куклы.

В голове всплывали обрывки прошлого. Мама, которая кричит на меня за очередную ошибку в па-де-де. Гриша, который смотрит на меня сквозь телефонную трубку, и в его глазах — скука. Затяжные тренировки, где я падала от усталости, но вставала, потому что надо. Всегда надо, как бы ни было плохо и больно. Только вот сейчас я ничего не могла поделать, да даже дышать удавалось с трудом.

— Три.

Четвёртый. Удар пришёлся на поясницу, и на секунду я потеряла чувствительность в ногах. Меня пронзила паника: «Боже, я останусь калекой!». Однако страх быстро сменился новой вспышкой боли, когда матушка, не давая опомниться, нанесла пятый удар. На мгновение я сбилась со счёта, но моя истязательница всё прекрасно помнила.

— Пять, — произнесла мадам Дейстра и остановилась. — Ты всё ещё молчишь? Похвально, но бесполезно. Я всё равно знаю, что ты чувствуешь. Каждый удар и капля крови — это плата за твою глупость.

Женщина медленно обошла скамью и заглянула в моё лицо. Я видела её глаза, в которых не было ни капли жалости. Пальцы матушки коснулись моего подбородка, приподнимая голову.

— Но ты не закричала, — сказала она почти с уважением. — За это я не стану добавлять ещё удары. Всего десять раз и ты навсегда поймёшь, что твоя судьба — «Алая заря». Ты уже получила пять, осталось столько же. И потом мы нанесём тебе ещё одну печать. Чтобы ты не только не могла бежать, но и не могла говорить о своих намерениях. Пожалуй, молчание — добродетель для куртизанки.

Шестой удар вновь обрушился на мои бёдра. Я вцепилась в дерево, ощущая, как под пальцами скользит собственная кровь. Больше от меня не требовали считать, и теперь оставалось лишь терпеть. Мысленно переносясь в тот момент, когда танцевала на сцене, и свет софитов ласкал кожу, я искала убежище в собственном прошлом. Из всех сил я представляла музыку, скрипку, которая ведёт мелодию, и мой танец, напоминающий об утраченной свободе.

Седьмой. Восьмой. Девятый. Я потеряла счёт, но знала, что их должно быть десять. На каждое касание плети я отвечала внутренним стоном, но с губ не слетало ни звука. Лишь слёзы текли по щекам, смешиваясь с потом и кровью, стекающими с разорванной спины. Моя кожа, некогда нежная и белая, теперь была покрыта багровыми полосами, из которых сочилась алая жидкость. Деревянная скамья пропиталась ею, и запах крови смешался с ароматом ладана, горящего у алтаря матушки.

Десятый удар пришёлся по уже разорванной в клочья коже, и я всё же не сдержалась. Похожий на звериный вой крик вырвался изнутри, но тут же прекратился, поскольку матушка

Дейстра накрыла мой рот ладонью и что-то зашептала на незнакомом языке. Метка на груди вспыхнула лиловым светом, и я почувствовала, как что-то холодное и липкое обволакивает моё горло. Язык стал тяжёлым, ватым, и когда я попыталась произнести хоть слово, из груди вырвался лишь беззвучный выдох.

— Готово, — довольно произнесла матушка, убирая руку. — Теперь, Санрина, пока я не сниму заклятие, ты будешь безмолвной, как рыба. Думаю, впредь это оградит тебя от лишних проблем. А теперь унесите её в лазарет и перевяжите раны, чтобы не сдохла раньше времени.

В полубессознательном состоянии меня отвязали от скамьи и подхватили под руки. Гул в голове нарастал, как и шум встревоженных обитательниц борделя. Меня потащили к выходу, и затуманенным взглядом я видела, что по дощатому полу тянется алый след. В какой-то момент я полностью отключилась, повиснув на руках моих конвоиров, и очнулась уже когда меня грубо сбросили на жёсткую кровать.

Лазарет оказался маленькой комнаткой в дальнем крыле здания. Здесь пахло травами, настойками и ещё чем-то кисловатым — видимо, лекарствами. Я лежала лицом вниз, потому что спина — нечто ужасное, из-за чего лежать на ней было попросту невыносимо. Сознание возвращалось урывками, то озаряя меня светом, то погружая во мрак.

В очередной раз очнувшись, я почувствовала жжение по всей спине. Кто-то вывил ледяную жидкость на рану, после чего послышалось шипение. Первое прикосновение влажной тряпки к оголённой плоти вызвало судорогу, я раскрыла рот в безмолвном крике. Сил кричать не оставалось, боль волнами расходилась по телу. И мне оставалось лишь лежать, глядя в стену, и размышлять над собственной глупостью.

На что я рассчитывала? В этом мире мне некуда податься. Я ещё не выучила местную письменность, не изучила местность и даже карту в глаза не видела. Поддавшись безумному порыву, подобно трусливой малолетке, я полностью перечеркнула свою жизнь. Будь я умнее, то, выждав подходящий момент, смогла бы вырваться на свободу. Но теперь... всё пропало.

Лишившись голоса, я не могла позвать на помощь — если бы она вообще существовала. Никто не придёт. Моя мать осталась в другом мире и, вероятно, уже похоронила меня. Гриша найдёт другую, более юную и послушную. А здесь меня ждёт лишь черед клиентов, которые будут делать со мной, что захотят, а я даже не смогу сказать «нет».

Раны на спине жгли огнём. Лекарство, которым их смазывали, вызывало неприятное жжение, но затем сменялось тупой, пульсирующей болью. Я чувствовала, как повязки накладывают слой за слоем, а чьи-то маленькие руки, касаясь моих рёбер, проверяли, не сломаны ли они. К счастью, кости были целы — лишь мышцы и кожа превратились в кровавое месиво.

— Госпожа Дейстра приказала оставить её здесь на три дня, — услышала я приглушённый женский голос. — Еда и питьё строго по часам, и надо послать за целебными зельями высшей категории. Иначе нам ни за что не вернуть ей былое состояние до предстоящего аукциона.

— Бедняжка, — ответил другой голос, более молодой, испуганный. — Она ведь совсем недавно очнулась от яда. А теперь ещё это. За что?

— За глупость, Алеана, — хмуро ответил первый голос, наверное, местного доктора. — Эта дурочка пыталась сбежать, ещё и не в первый раз. Матушка была милостива, что не отдала её в руки работорговцев. Здесь хотя бы есть шанс выжить и исцелиться без последствий для тела.

Я закрыла глаза, проваливаясь в темноту. Голоса стихли, и я осталась одна в месте, где всё пропиталось запахом крови и трав. Спасительная тьма то принимала меня в свои объятия, даруя лёгкость от исчезновения боли, то возвращала обратно в реальность. Тело словно горело в бесконечном пламени, но я не могла издать ни звука.

Моя рука, дрожащая и слабая, коснулась горла. Жалкая попытка прошептать: «Мама...» закончилась ничем. Из пересохших губ не вырвалось ни звука, как у немой рыбы.

Время потеряло значение. Солнце сменялось луной, луна — солнцем, но я не замечала этого. Я лежала на жёсткой койке, глядя в стену, и во мне разрасталась пустота. Всё утратило смысл, и даже боль воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Раньше у меня была цель: сбежать, найти место в этом мире, начать новую жизнь. Теперь я понимала, что это была иллюзия, заблуждение женщины, выросшей в других условиях. Ветрена оказалась права — в этом прогнившем мире женщина не имеет права на свободу.

Скрипнула дверь, кто-то осторожно приоткрыл дверь. Лёгкие приближающиеся шаги, но я не повернула голову к посетителю. Жёсткий матрас не прогнулся, когда на него сели, лишь жалобно скрипнул.

— Санрина, — прошептала Ветрена, дрогнувшей рукой прикасаясь к моему плечу. — Я знаю, что ты не можешь говорить. Тут ужасно кормят, поэтому я принесла немного еды из города. Мы с девочками договорились с кухарками, которым можно покидать бордель. И вот, тут ещё мазь, она хорошо помогает с ранами. Старшая целительница дала, но она меня не выдаст.

С трудом, но я привстала и посмотрела на свою соседку по комнате. Ветрена выглядела заплаканной, её глаза покраснели, а губы то и дело поджимались. Заметив мои жалкие попытки сесть, девушка тут же помогла. Боль от натянувшейся кожи заставила меня скривиться, но даже тихий стон не сорвался с губ.

— Ты дура, — беззлобно произнесла Ветрена. — Я же тебе говорила, что будет хуже. Но ты не послушала, дурёха. Мне жаль, Санрина. Правда жаль.

Из моих глаз покатились горячие слёзы, которые я зло вытирала дрожащими пальцами. Каждое движение причиняло мне боль, но всё же где-то глубоко в душе мне стало легче. Это первые слёзы, которым я позволила прорваться наружу, после показательной порки. Доброта Ветрены затронула те уголки надежды, что продолжали упрямо тлеть в сердце. Мне до безумия хотелось поблагодарить девушку, но я не могла даже такой малости.

— Послушай, — продолжала Ветрена, — я знаю, что сейчас тебе кажется, будто всё кончено. Но это не так. Главное не сдавайся, слышишь? Матушка дала тебе три дня на восстановление, даже запросила дорожные зелья восстановления. За это время ты должна прийти в себя, поговаривают, даже шрамов не останется. А потом... потом пролетит оставшееся время до аукциона, но это ведь не приговор. Многие девушки находят себе хороших покровителей, и они живут не хуже свободных. Может, ты тоже найдёшь такого. Только не делай больше глупостей. Пожалуйста.

Соседка помолчала, затем положила на тумбочку, возле моей койки, целое кольцо сдобной плетёнки с маком и кружку молока. После чего встала и направилась к выходу, но у самой двери остановилась. Обернувшись, она улыбнулась дрожащими губами и произнесла:

— Ты сильная, Санрина. Я поняла это тогда, когда ты меня чуть не утопила. Сильная. Не дай им сломать тебя до конца.

Дверь закрылась, и я осталась одна. Потянувшись за плетёнкой и молоком, я стиснула зубы от прострелившей по всёму теле боли. Ветрена права — я ещё не сломана. Меня выпороли, заклеямили, лишили голоса. Однако они не отняли у меня воспоминания о том, кто я есть на самом деле. Я — Александра Белая, одна из лучших танцовщиц по всему миру. Я танцевала в любом состоянии, даже когда потеряла отца. Да что уж там, пережила смерть в своём мире и очнулась в чужом теле, но не сдалась. Разве это испытание ломает меня?

Нет. Только не со мной, я ведь упрямая. Холодное молоко мягко растеклось по языку, а сладость сдобы вызвала щемящий трепет в груди. Из глаз вновь покатились слёзы, но я не пыталась их убрать. Откусывая по маленькому кусочку плетёнку и запивая её молоком, я по крупичкам восстанавливала свою почти сгоревшую душу.

Ничего, пока я способна дышать, можно найти выход из любой ситуации. Пусть мне придётся пройти через унижение, безмолвной куклой потворствуя и отдавая тело, рано или поздно

я верну голос. Не может же это проклятое заклятье действовать вечно, верно? Его снимут, и тогда я выскажу всё, что накопилось. И сбегу, подготовившись гораздо лучше, чем в прошлый раз. Главное — сохранять разум холодным и не давать эмоциям волю.

Глава 12

Три дня, проведённые в лазарете, превратились в бесконечную череду серых сумерек и тупой, ноющей боли. Я лежала на животе, вглядываясь в потрескавшуюся извёстку стены, и старательно отсчитывала минуты, которые незаметно складывались в часы, а часы — в приближение моего освобождения.

Каждое утро приходила помощница лекаря — сухая, морщинистая старуха с цепкими пальцами — и меняла повязки. Процедура была мучительной, доставляющей боль, но вместе с тем и облегчение. Зелья, которыми щедро поливали мою истерзанную спину, приятно подмораживали кожу и заметно ускоряли заживление. Впрочем, даже будь они подобны жидкому пламени — закричать и остановить я никого не могла. Всякая попытка заговорить или издать хоть какой-то звук заканчивалась ощущением затягивающегося «поводка» на горле.

К концу третьего дня раны окончательно затянулись. Кожа на спине стянулась, превратившись в багровые корки, которые чесались невыносимо, но до них нельзя было дотрагиваться. Целительница строго настрого запретила их трогать, если не хочу получить следы от плети на всю оставшуюся жизнь.

«Ха, будто что поверю в то, что от порки не останется и следа!».

Однако я сжимала зубы и терпела, день за днём проклиная мадам Дейстру. Видят боги, никого прежде мне не доводилось так сильно кого-то ненавидеть. Пожалуй, именно это чувство подпитывало мою надежду и давало силы встречать новый рассвет.

Утром четвёртого дня ко мне пришла Ветрена, застав за осторожными потягиваниями. Я как раз пробовала разминаться, поскольку мышцы ныли и хотелось хоть чем-то себя занять. Встревоженно ойкнув, соседка подбежала ко мне и осмотрела.

— Как ты? — спросила Ветрена, заглядывая в мои глаза. Я молча кивнула, и девушка понимающе вздохнула. — Матушка велела привести тебя в порядок. С сегодняшнего дня ты возвращаешься к занятиям, а если не сможешь... будет ждать подвал.

Я опустила взгляд на свои руки — бледные, с обломанными ногтями и ссадинами на запястьях от верёвок. Слабо передёрнув плечами и поморщившись от зудящей волны по спине, я молча протянула руки к соседке. Та скованно улыбнулась и передала мне стопку свежей одежды, едва заметно пахнувшей лавандой.

Одевание превратилось в пытку. Повязки ещё красовались на моём теле, слегка выступая под тканью, и каждое движение отдавалось тупой болью в спине. Ещё и этот проклятый зуд всё никак не прекращался, вызывая нестерпимое желание разодрать все свежие корочки. Я морщилась, но терпела, мне не хотелось показаться слабой. Ветрена помогала мне, застёгивая крючки на платье, и я чувствовала её тревожный взгляд.

— Ты сильно исхудала, — прошептала соседка. — Но ничего, мы тебя откормим. Магма велела передать, что если ты выжила после такого, то ты... ну, в общем, она передумала тебя ненавидеть. Сказала, что уважает твою стойкость.

Я приподняла брови, удивлённая этим посланием, и едва заметно улыбнулась. Жестом я показала — «как она сама?» — ведь после того вечера Магма выглядела крайне разбитой. Мне было любопытно, как дела у куртизанки, да и в целом какая обстановка после «демонстрации». Ветрена пожала плечами, помогая мне заплести тугую косу. Мне самой было не очень удобно заниматься длинной шевелюрой, поэтому за дни в лазарете она превратилась в светлую паклю.

— Нормально. Ходит с ушибленной рукой, но продолжает работать. Ходят слухи, что лорд Деброш теперь обязан платить вдвое больше, потому что матушка пригрозила ему жалобой столичным стражам. Видишь, и у нас можно найти защиту, если клиент слишком наглый.

Мы вышли из лазарета, и меня встретил привычный сумрак коридоров. Ноги дрожали, но я старалась ступать ровно. Непрошенные воспоминания, о которых я так старалась забыть, то

и дело всплывали в голове. Наверное, мне ещё долго предстоит бояться тьмы, ведь при одном взгляде на более тёмные уголки коридора, моей спины касался призрачный порыв ледяного ветра.

Занятия начинались после завтрака, так что сперва Ветрена отвела меня в столовую. Я впервые за эти дни почувствовала запах еды, не вызывающий тошноты. За столами сидели знакомые ученицы, но теперь в их взглядах виднелось сочувствие и страх — я стала живым примером того, что происходит с теми, кто осмелится перечить матушке Дейстре.

Желая поддержать, рядом со мной села Мари, которая периодически легонько сжимала мой локоть. Не в силах ответить словами, я просто ободряюще улыбалась и сжимала её ладошку в ответ. На столе лежали пергамент и угольный карандаш — Ветрена, будто догадавшись, что мне нужно, принесла их ещё до завтрака.

— Напиши, если тебе что-то нужно, — произнесла рыжая соседка, пододвигая ко мне чистый лист. Я взяла карандаш и вывела неровными, дрожащими буквами: «Спасибо, я в порядке. Не переживайте так сильно».

Всхлипнув, Мари по буквам прочитала моё послание и тихонько заплакала.

— Ты такая смелая, Санрина, — с дрожью в голосе пробормотала Мари, вытирая рукой слезы с щёк. — Я бы на твоём месте уже давно... сдалась.

Покачивая головой, я больше не стала ничего писать. Постепенно все успокоились, и завтрак прошёл своим чередом. Изголодавшись по нормальной еде, я вмиг проглотила свою порцию воздушного омлета с помидорами и ломтик хлеба, на котором тонким слоем размазали сливочное масло. Вокруг то и дело хихикали девушки, смотрящие на меня, но я знала — в этом смехе нет злобы, лишь радость за хороший аппетит.

Череду бесконечных занятий открывал очередной урок мадам Солении. В учебный кабинет я входила на дрожащих ногах, сама не понимая почему. Попытки взять себя в руки проваливались, будто я вмиг утратила внутренний стержень. Мне бы вспоминать поцелуи помидоров, и собственные попытки имитировать страсть, но ничего не получалось.

Заметив моё появление, весёлая наставница вмиг стала серьёзной. От этого стало ещё больше не по себе, закралось нехорошее предчувствие, что теперь мне станет гораздо сложнее на занятиях. Вдруг эта гадкая матушка Дейстра приказала намеренно усложнить мне обучение? Кто знает, что взбредёт в её отвратительную голову?

Но мадам Соления удивила меня. Подойдя ко мне и Ветрена, она порывисто положила руку мне на плечо. Её пальцы чуть сжались, после чего отпустили. Женщина выглядела обеспокоенной, её взгляд блуждал по мне, словно выискивая последствия той роковой ночи побега.

— Пташка моя, я знаю о твоём наказании. Однако сейчас ты должна позабыть о боли и думать о предстоящей работе. Как бы тебе ни было плохо, мужчина не должен этого заметить. Он должен видеть перед собой женщину, которая до безумия жаждет его внимания. Это твоя защита. Чем лучше ты притворяешься, тем меньше тебя хотят ударить. Понимаешь?

Я кивнула. Пусть её слова и звучали жестоко, но в них имелась доля правды. Если я покажу слабость, меня тут же раздавят. Единственный способ выжить — надеть маску с притворной улыбкой на устах. Превратиться в иву, которая гнётся под порывами ветра, но не ломается.

Глава 13

Заняв свои места за столами, ученицы с удивлением увидели изящные кубки с чаем. Хлопнув в ладони, мадам Соления объявила тему сегодняшнего урока: правильная подача напитков гостю. Женщина подробно объяснила, как правильно подавать напиток, держать осанку, и насколько важно при всём этом смотреть в глаза клиенту. Оказывается, было полно нюансов, от которых зависело общее впечатление от куртизанки.

С интересом слушая вкрадчивый голос наставницы, я не могла оторвать взгляд от её изящных движений. Казалось бы, что такого в подаче напитка? А нет, нужно внимательно следить за многими вещами. Учитывая мою немоту, я должна была научиться выражать свои мысли телом. Всё же, не каждый станет читать мои записки, и уж тем более идти мне навстречу.

Когда наступило время практики, я взяла кубок, поставила его на поднос, и, глядя в воображаемые глаза клиента, медленно поднесла напиток к его губам. Пальцы дрожали, но я заставила их успокоиться. Мадам Соления одобрительно кивнула:

— Хорошо, Санрина. Ты довольно быстро уловила суть, так что осталось дело за малым. Поскольку голос тебе недоступен, используй взгляд. Он бывает гораздо красноречивее слов и запоминается куда лучше болтовни.

После урока мадам Солении дали небольшой перерыв. Быстро проглотив обед, я поспешила в комнату. Там найдя принесённые Ветреной листы бумаги и чернила, постаралась написать письмо соседке. Пачкая дрожащие пальцы в чернила, я выводила пером местные буквы. В какой-то момент мне даже показалось, что тело начинает подстраиваться и «вспоминать» слова, их правильное написание.

Возможно, если чаще практиковаться, мышечная память настоящей Санрины даст мне возможность писать лучше и быстрее. А там и до чтения книг недалеко, по крайней мере, я хотела верить в это. Письмо Ветрене получилось коротким, но я постаралась передать все свои чувства через клочок бумаги.

«Дорогая Ветрена, спасибо за поддержку. После всего произошедшего она стала тем лучом света, что помог выбраться из тьмы. Я ценю проявленную тобой заботу и постараюсь принять новую жизнь. Теперь я убедилась, что твои слова оказались правдой и этот мир чрезвычайно суров к женщинам».

Перечитав слегка корявые строки, довольно кивнула. Когда соседка пришла в комнату, чтобы позвать меня на следующее занятие, я передала ей послание. Внимательно следя за выражением лица Ветрены, с удивлением заметила покрасневшие глаза и дрогнувшие губы. Она собралась плакать? Нет, видимо, показалось, ведь девушка с улыбкой обняла меня.

— Глупая, надо было понять это, прежде чем пытаться убежать, — прошептала Ветрена, бережно сжимая мои плечи и боясь зацепить повязки. — Не пришлось бы так мучиться. Но я рада, что теперь ты готова принять судьбу.

Похлопав девушку по спине, я прикрыла глаза. Внутри меня клочкотали тёмные чувства, направленные на суровых богов этого мира, которые допускали подобную несправедливость. Только вот говорить или показывать свои потаённые мысли соседке я не собиралась, как и упоминать всё ещё горящую внутри надежду сбежать отсюда.

Несмотря ни на что, жизнь продолжалась, так что долго отдыхать не вышло. Следующим по плану был урок танцев, под руководством госпожи Эркель. Входя в танцевальный зал, я не могла сдержать дрожь. На доли секунд меня сковал леденящий ужас, не дающий даже вздохнуть. Воспоминания о наказании нахлынули волной, погребая меня под пробудившимся ужасом. Лишь дружеское похлопывание по спине привело меня в чувства, и я смогла войти в зал и занять место среди других учениц.

Госпожа Эркель, пристально глядящая в мою сторону, внезапно улыбнулась.

— Похвально, что после наказания ты не сломалась, Санрина. Однако это не значит, что я стану снисходительнее. Ты должна танцевать, несмотря на боль. Танец — это жизнь куртизанки. Если ты не можешь танцевать, ты никто.

После этих слов госпожи Эркель, мы начали разминку. Каждое движение отдавалось тянущей болью в спине, но я терпела. Неповоротливое тело запоминало ритм, и я постепенно погружалась в воображаемую музыку. Я представила себе мелодию — ту самую, под которую танцевали восточные танцы в моём мире. Она идеально подходила под ритмичные хлопки Эркель, так что, отбросив все мысли, я отдалась танцу.

Госпожа Эркель подходила к каждой девушке, раздавая замечания, и спустя некоторое время настал мой черёд. Встав рядом, женщина хлопнула в ладони и вынудила меня вынырнуть в реальность. Тело вновь стало тяжёлым, уставшим и доставляло мучительную боль.

— Ты делаешь успехи, несмотря на раны. Это хорошо, в будущем навык преодолевать боль тебе пригодится.

Кивнув, я отвела взгляд, чтобы наставница, не дай боги, не увидела пламя, бушевавшее в глубине глаз. Ненавижу. Всё это место ненавижу, особенно перспективу «преодолевать боль» во время работы здесь. Но маска мнимой покорности приросла к лицу, на нём ни одна мышца не дрогнула. Слабо улыбнувшись, я сделала вид, что довольна похвалой госпожи Эркель.

К концу урока я вымоталась до предела, но на душе стало легче. Танец всегда был моим убежищем, и даже в этом проклятом мире он продолжал давать мне силы. А последовавшая за уроками купальня позволила смыть с себя пот, грязь и оставшийся в душе негатив. Я специально не смотрела на свою спину, мне и так хватало испуганных охов других учениц. Так что искупавшись, я вновь перемотала себя свежими бинтами, пропитанными специальным зельем, и облегчённо выдохнула.

«Ещё один день подходит к концу».

Вечером после ужина, мы собрались в общей комнате. Девушки сидели на полу, кто-то вышивал, кто-то читал, но все перешёптывались. Тихие разговоры не стихали, всем хотелось хоть как-то развлечься. Я заметила, что сидящая в углу Магма смотрит в мою сторону, поэтому слабо кивнула девушке. Внезапно она встала и подошла ко мне, прихрамывая и придерживая руку, после чего села рядом.

— Я слышала, что на тебя наложили заклятье немоты, — без предисловий произнесла девушка. — Не закричать под наказанием матушки Дейстры — это поразительно. Когда я только начинала, помню, была одна такая же строптивая ученица. Так вот, она не выдержала, её крики до сих пор изредка сняться мне в кошмарах.

Опустив взгляд, я взяла лист и написала: «Мне просто повезло. Нам всем нужно беречь себя, особенно тебе».

Она усмехнулась:

— Беречь себя? В нашем деле это невозможно. Но я рада, что ты не сломалась. Хочешь, я научу тебя некоторым хитростям? Как общаться с клиентами, чтобы они не причиняли боль?

Услышав предложение известной куртизанки, к нам подсели несколько других учениц. С усмешкой глядя на внимательных слушательниц, Магма начала рассказывать. Уставшим голосом она поведала нам свои уловки, помогающие в работе. О том, как правильно угадывать настроение пришедшего мужчины, и как вовремя отстраняться, чтобы интерес клиента не угас.

Записывая её советы на пергаменте, во мне постепенно зарождалось новое чувство — холодная расчётливость. Нужно не просто выжить и сбежать, нужно стать лучшей и своим побегом превратить «Алую зарю» в руины.

Когда Магма ушла, я сидела и сжимала в руках исписанные листы, глядя на записи. Ветрена подсела ко мне и положила голову на плечо.

— Ты справишься, — уверенно произнесла соседка. — Я верю в тебя.

Я улыбнулась и написала на листе: «Знаю. И я сделаю всё, чтобы не подвести твою веру».

Мы сидели в тишине, и впервые за долгое время я почувствовала, что не одна. У меня есть союзники, готовые прийти на выручку. И даже без голоса я могу говорить, пусть и через своё тело. Это не конец, а всего лишь начало нового этапа в жизни.

Завтра наступит новый день, который принесёт новые знания и умения. Хоть я и приняла свою судьбу, но это не значит, что не смирилась с ней. Я буду ждать, учиться, и когда наступит момент, обязательно найду способ вырваться на свободу. Даже если придётся танцевать до кровавых мозолей, или придётся улыбаться сквозь боль. Я выживу и заговорю снова, подставляя лицо солнечным лучам где-нибудь возле моря.

Глава 14

Три недели. Мне казалось, что это невероятно длинный срок. Однако время пролетело, я не успела даже оглянуться. Жизнь в «Алой заре» выматывала, особенно после полного выздоровления. Потратив целую прорву зелий, моей спине вернули первоначальный вид. Лишь пара белесых шрамов, тонких и неровных, остались немым напоминанием о провальном побеге.

Первая неделя после выписки выдалась, пожалуй, самой тяжёлой. Я просыпалась в пять утра, чтобы успеть сделать зарядку и растяжку, пока остальные ученицы ещё спали. Моё новое тело постепенно привыкало к нагрузкам, мышцы становились эластичнее, а движения — плавнее. Время тренировок позволяло окунуться в почти позабытые воспоминания о прошлой жизни, ведь с каждым днем в роли Санрины они бледнели и исчезали.

Уроки мадам Солении теперь казались мне почти естественными. Я научилась правильно держать чайную чашку, наклонять голову, улыбаться так, чтобы глаза тоже светились поддельным счастьем. Благодаря вечерним сидениям над пергаментом, мой почерк улучшился и даже заслужил порцию похвалы. Учítывая, что занималась я мари́ем бумаг до боли в пальцах, я считала это великим достижением. Но главным моим успехом стало общение с другими ученицами через короткие записки, прямо как в школе родного мира. Мы передавали их друг другу во время занятий, и я чувствовала, что между нами возникает странная, почти сестринская связь.

Вторая неделя была отмечена важным событием — нас впервые выпустили в основной зал, где работали старшие куртизанки. Стоя в тени у колонны, я видела, как женщины улыбались, флиртовали, танцевали и уводили клиентов в приватные комнаты на втором этаже. Некоторые из них были молоды, чуть старше меня, другие — взрослые, с уставшими глазами женщины. Всех их объединяло одно — неизменная маска влюбленности, сквозь которую проглядывало равнодушие. Я смотрела на них и пыталась понять, как можно так долго притворяться, не теряя себя.

Магма подошла ко мне в тот вечер и сунула в руки записку: «Сегодня ты увидела кусочек нашей жизни. Не пугайся, ведь всего через неделю пройдет аукцион и ты займешь место среди нас».

Тогда я просто кивнула, не в силах сдержать дрожь в руках. Время неумолимо бежало вперед, заставляя мою надежду чахнуть. Пусть я и старался изучить внешний мир, здесь не было нормальных источников информации. Все доступные книги напоминали пособия по соблазнению, именуясь женскими романами о любви. Никаких справочников, пособий или атласов. Это удручало, как и неохотные рассказы других девушек о жизни до обучения в борделе.

На третьей неделе я перестала считать дни. Время слилось в одну бесконечную череду занятий, тренировок, ужинов и кратких часов сна, которые давно перестали приносить отдых. Я научилась различать склонности клиентов по запаху, голосу и походке. Наблюдения помогали сразу понять, кто окажется безопасным, а от кого следует держаться как можно дальше. Надеюсь эти знания никогда мне не пригодятся, ведь я смогу покинуть этот кошмарный мир разврата.

День аукциона наступил внезапно. Я проснулась от того, что Ветрена трясла меня за плечо, и в её глазах плескался неприкрытый страх. Солнце наверняка только начинало вставать над крышами домов, но коридоры уже гудели от голосов и топота ног. Девушки бегали туда-сюда, напоминая встревоженных кур, слышался плач и чей-то нервный смех. В воздухе повис удушливый запах ладана и дорогих духов — ими поливали всё вокруг, пытаясь «отогнать злых духов», что любили поглощать чужие страхи.

— Вставай, — сдавленно произнесла Ветрена. — Сегодня важный день. Матушка Дейстра велела всем быть готовыми к полудню.

Сев на постели, я едва заметно вздохнула. Аукцион. Момент которого я так боялась и всеми силами хотела избежать, теперь навис надо мной грозным облаком. Меня разрывало вклячь от того, что мне предстоит стать товаром, просто вещь которую купит какой-то неизвестный мужчина за баснословные деньги. Да, нам объяснили суть происходящего. Прямо как когда-то в Японии гейши продавали право первой ночи, здесь куртизанки выставляли на аукцион свою девственность. Чем дороже её купят на аукционе, тем дороже будут стоять часы проведенные с куртизанкой.

Первым делом нас искупали в травах, отсребли до красноты кожу и убрали все волосы с тел. От пара в купальне кружилась голова, или всему виной был страх? Я не знала, да и не собиралась раздумывать над этими мелочами. Меня и так подташнивало, и все мысли крутились вокруг предстоящих торгов.

После купания, я оделась в приготовленное платье — почти невесомое белое облако, расшитое серебряными нитями, с глубоким вырезом и разрезами от бедер. Оно было красивым, но почти прозрачным. На запястья надели тонкие золотые браслеты, а шею украсила нитка холодного жемчуга. Девушки, которые помогали мне одеваться, молчали, и только их руки дрожали, когда они застёгивали пряжки.

Я взяла пергамент и написала: «Ветрена, ты будешь рядом?».

Соседка прочитала и кивнула, сглатывая слёзы:

— Да. Я ведь тоже сегодня участвую в аукционе. Думаю, мы будем стоять рядом.

Сжав дрожащую ладошку соседки, я вышла из комнаты. Узкие коридоры были необычно многолюдны — повсюду сновали слуги, охранники, даже повара, которые обычно не покидали кухню. Все готовились к вечернему событию, и напряжение висело в воздухе, как перед бурей. Сквозь аромат ладана пробивался запах блюд, что подадут на банкете перед и после аукциона. На мгновение мне почудилось, что со всех сторон веет кровью.

Мы прошли в большой зал, где уже стояли ряды стульев, покрытых бархатом, и в центре возвышалась деревянная платформа — место, где нам предстояло стоять, пока мужчины будут оценивать взглядами представленный «товар». Я посмотрела на люстру, и внутри похолодело. Она тоже могла упасть, раздавить меня, как когда-то в прошлой жизни. Однако, с трудом, но мне удалось отогнать эту глупую мысль.

До полудня нас пытались покормить, но я не смогла проглотить ни куска. Еда казалась безвкусной, и мне оставалось лишь пить холодную воду, стараясь успокоить колотящееся сердце. Рядом всхлипывала Мари, пытаюсь сдержать слезы, и я писала ей: «Всё будет хорошо. Мы справимся». Девушка читала и улыбалась дрожащими губами, которые то и дело кривились в тщетной попытке сдержать настоящие эмоции, но я видела, что она не верит мне. Я сама не верила, всеми силами стараясь не смотреть в сторону импровизированной сцены.

Днём пришла матушка Дейстра, чтобы осмотреть нас. Она ходила вдоль рядов, поправляя ленты и складки, и её пальцы касались наших лиц, как у скульптора, оценивающего свою работу.

— Вы мои лучшие ученицы, — почти ласково пропела Дейстра, глядя на нас холодным взглядом. — Сегодня вы станете куртизанками. Запомните этот день, потому что он навсегда изменит вашу жизнь. Вы посвятите себя служению величайшим домам империи, и ваши имена будут произносить с почётом. Не подведите меня.

Остановившись возле меня, женщина слабо усмехнулась. В этот миг она напомнила мне гадюку, которую так и хотелось задушить. Леденящий душу взгляд вперился в меня, но я не опустила глаза.

— Ты, Санрина, — сухо начала Дейстра, — будешь последней. Тебя купят те, кто ищет редкий товар. Твое молчание прибавит парочку золотых к цене, ведь это изюминка и приятная диковинка среди остальных куртизанок.

Не выдержав, я опустила взгляд, чтобы не выдать ярость, которая клокотала внутри. Она говорила обо мне, как о лошади на ярмарке, и это было невыносимо. Стиснув зубы, я молча слушала этот бред, мечтая вцепиться этой гадине прямо в глотку. Ценность? Да плевать мне на неё, как и на предстоящие торги. Будь моя воля, давно бы покинула это прогнившее место, чтобы аж пятки сверкали.

И вот наступил вечер, опускаясь на «Алую зарю» барзатым пологом. Нас выстроили в ряды на сцене, подсвечивая сверху мягким светом свечей. Зал начал наполняться мужчинами — знатными, богатыми, одетыми в парчу и шёлк. Я видела лица скрытые масками с животными, их надменные и чуть пьяные улыбки. Кто-то курил трубки, кто-то пил вино, и все они смотрели на нас, как на мясо в магазине. Мне стало дурно, но я заставила себя стоять прямо.

Первыми вперед вышли младшие девушки — Мари и её подруги. Их продали быстро, за сумму, которая казалась смешной — несколько золотых монет за каждую. Я видела, как они дрожали, когда их уводили с платформы, и слышала смех мужчин, торгующихся за их тела.

Ветрену продали пятой. Её купил пожилой лорд с седой бородой, который смотрел на неё с откровенным вождением. Она не плакала, не дрожала, просто улыбнулась той самой улыбкой, которую мы тренировали на уроках, и пошла за ним, как покорная лань. Я смотрела на её идеально прямую спину, и внутри всё рвалось на части. Моя подруга уходила к старому похотливому мерзавцу, а я ничего не могла сделать с этим.

Ряды учениц таяли на глазах, пока постепенно я не осталась в одиночестве. Паника накрыла меня с головой, когда я выступила вперед и на меня устремился луч света. В отличие от прошлой жизни, теперь я стояла на сцене почти голая, лишенная всего, и чувствовала на себе сотни голодных взглядов. Мужчины перешёптывались, и я слышала обрывки их фраз: «Немая», «Невинная», «Говорят, бывшая дворянка». Липкий, противный ужас сковывал душу.

Матушка Дейстра подошла ко мне и подняла мою руку, показывая толпе.

— Белая лилия, — провозгласила хозяйка борделя. — Дочь обедневшего рода, воспитанная в лучших традициях империи и «Алой зари». Нема, но её тело говорит красноречивее любых слов. Начальная цена — пятьсот золотых!

Зал загудел. Пятьсот золотых — это больше, чем в свое время заплатили за Магму. Я стояла, не двигаясь, и смотрела только вперёд, видя вместо мужских лиц размытые пятна. Торг начался.

— Пятьсот! — крикнул кто-то слева.

— Пятьсот пятьдесят! — отозвался другой голос.

— Шестьсот!

— Семьсот!

Цена росла, и я чувствовала, как внутри нарастает отчаяние. Чем дороже меня покупали, тем выше шанс, что я попаду к опасному человеку. Тот, кто способен заплатить тысячу золотых, не остановится перед тем, чтобы сломать меня.

— Тысяча! — раздался голос из задних рядов, и все обернулись.

— Тысяча двести! — это был тот самый молодой лорд, что уже купил одну из нас.

— Полторы тысячи! — раздался пробирающий до костей голос, исходящий со стороны взода в зал.

Резко посмотрев в ту сторону, я вздрогнула. Из тени вышел мужчина, которого я не заметила раньше. Он точно не участвовал до этого времени в ставках, ведь этот голос просто невозможно забыть. Высокий, с широкими плечами и заметной подтянутой фигурой. Моё сердце пропустило удар, а по спине побежали мурашки. Нас разделяло несколько рядов стульев, но

я отчетливо чувствовала опасность, исходящую от этого незнакомца. Маска с псом лишь усиливала необъяснимый трепет, поселившийся в глубине сердца.

«Неужели он купит меня?» — панически билось в голове, а взгляд неотрывно следил за приближающимся мужчиной.

Подойдя к сцене, я смогла оценить и дорогой костюм, и то, насколько его боялись другие. Виднеющаяся половина лица казалась высеченной из камня, до зубного скрежета идеальной. Увидев покупателя, даже матушка Дейстра замерла, а в её глазах мелькнул страх.

— Три тысячи золотых, — произнёс мужчина, и его голос эхом прокатился по залу. — И я забираю её сегодня. Лично.

В зале воцарилась гробовая тишина. Все голоса стихли, даже дышать удавалось с трудом. Я смотрела на этого мужчину, и в груди нарастало чувство, которое я не могла объяснить — смесь страха, ужаса и странного, томящегося ожидания.

Матушка Дейстра прочистила горло и громко произнесла:

— Три тысячи золотых от лорда с маской Пса. Кто предложит больше?

Никто не ответил. Зал молчал, заворожённый этой сценой. Я стояла на сцене, едва заставляя себя не дрожать под всеми этими взглядами. Внезапно Пес взошел на платформу, шагнул ко мне и взял за руку. Моя ледяная ладонь ощутила прилив тепла, исходящего от чужой руки. Казалось, меня держало живое пламя, а не обычным человек.

— Идём, — коротко приказал Пес, насильно уводя меня со сцены.

Магия подчинения, что сковывала мое тело, перешла к покупателю вместе с переданным ему ключом от комнаты. Я не могла сопротивляться колдовству, как бы не старалась. Мои ноги двигались сами, и я, как на поводке, пошла за ним. Толпа расступалась, и мою спину прожигали их завистливые взгляды. Мужчина, которого называли Псом, шёл не оборачиваясь, и его рука сжимала мою ладонь так крепко, что у меня не оставалось шанса вырваться.

Выйдя из зала, мы прошли по пустым коридорам, и я все время пыталась понять, где мы. Мысли путались, сердце стучало так громко, что, казалось, его стук слышали во всех уголках борделя. Внезапно мы остановились у двери, которую я никогда не видела. Купивший меня мужчина отворил её, и не давая опомниться, втолкнул меня в темное нутро приватной комнаты.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.